

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Серия «Сокровищница Татарстана»

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ
БОРИСА ПАСТЕРНАКА**

**PROVINCIAL PAGES
OF BORIS PASTERNAK'S BIOGRAPHY**

Казань
Познание
2015

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос)6
П78

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Института экономики, управления и права (г. Казань)*

*Издается в рамках реализации гранта Кабинета Министров Республики Татарстан
для некоммерческих организаций, участвующих в реализации социально значимых проектов
(утвержден решением Конкурсной комиссии по проведению республиканского конкурса
по получению грантов Кабинета Министров Республики Татарстан для некоммерческих
организаций, участвующих в реализации социально значимых проектов от 22.12.2014 № 17)*

Ответственный редактор:

заместитель директора по научной работе Чистопольского филиала
Института экономики, управления и права (г. Казань),
кандидат педагогических наук *А. В. Паньков*

П78 Провинциальные страницы Бориса Пастернака / отв. ред. А. В. Паньков ;
пер. на англ. М. И. Солнышкиной ; Институт экономики, управления и права
(г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и
права, 2015. – 67 с. (Серия «Сокровищница Татарстана»)
ISBN 978-5-8399-0578-8

В книге собран материал о жизни и творческой деятельности выдающегося советского писателя Бориса Леонидовича Пастернака. Особое внимание уделено чистопольскому периоду его жизни в годы Великой Отечественной войны. В книге представлены фотографии из личного архива писателя.

Материалы могут быть использованы студентами, аспирантами и учеными, а также всеми, кто проявляет интерес к проблеме сохранения культурного наследия российского общества.

Текст представлен на русском и английском языках.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос)6

ISBN 978-5-8399-0578-8

© Коллектив авторов, 2015
© Институт экономики, управления
и права (г. Казань), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Литературно-культурная жизнь Чистополя в годы Великой Отечественной войны	6
Страницы биографии и творчество Б. Л. Пастернака	14
Жизнь и творчество поэта в Чистополе	26
Мемориальный музей Б. Пастернака	50
«Доктор Живаго» как форма энтелехии	58
Библиографический список.....	66

TABLE OF CONTENTS

Introduction.....	5
Literary and cultural life in Chistopol during the Great Patriotic War.....	7
Pages of biography and creative work of B. L. Pasternak..	15
Life and work of the poet in Chistopol	27
Memorial Museum of B. Pasternak	51
«Doctor Zhivago» as a form of entelechy	59

ВВЕДЕНИЕ

С началом Великой Отечественной войны Чистополь принял у себя сотни эвакуированных – представителей творческой интеллигенции страны. Среди них был и замечательный писатель, поэт, будущий лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак. На всю жизнь он сохранил благодарность этому городу. «Я в большом долгу перед Чистополем... Я всегда любил нашу глушь больше столиц. И мил моему сердцу Чистополь, и зимы в нем, и жители, и дома, как я их увидел зимой 1941 года, когда приехал к эвакуированной семье...», – писал Пастернак школьникам города 26 февраля 1951 года.

В год его 125-летнего юбилея ученые Института экономики, управления и права (г. Казань) подготовили книгу, в которой предпринята попытка охватить тему Чистополя в истории советской литературы периода Великой Отечественной войны и рассказать о важных вехах биографии Бориса Пастернака, о его жизни в эвакуации.

В данной книге доцентом кафедры философии Чистопольского филиала Института экономики, управления и права (г. Казань), кандидатом исторических наук, член-корреспондентом Академии военно-исторических наук, *А. А. Гайфутдиновым* (ст. 1, 2) подробно рассказано о литературно-культурной жизни Чистополя во время Великой Отечественной войны. Чистопольский период жизни Бориса Пастернака детально описан доцентом кафедры иностранных языков и перевода Чистопольского филиала Института экономики, управления и прав (г. Казань), кандидатом филологических наук *Х. Н. Галимовой* (ст. 3, 4). Считается, что этот период был творчески плодотворен для Пастернака: именно здесь он задумал шедевр мировой литературы – роман «Доктор Живаго». Значение этого произведения в масштабе культуры и истории общества рассмотрено доктором философских наук, профессором, директором НИИ социальной философии ИЭУП (г. Казань) *О. Д. Агаповым* (ст. 5).

Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность профессору кафедры германской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации им. Л. Толстого К(П)ФУ, доктору филологических наук *М. И. Солнышкиной* за активное сотрудничество и перевод книги на английский язык.

INTRODUCTION

When the Great Patriotic War started, Chistopol gave shelter to hundreds of evacuated intellectuals of the country. Boris Pasternak, a great writer, a poet, a future Nobel Prize winner was among them. All his life through, he kept warm memories of the city. On February 26, 1951, Pasternak wrote to schoolchildren of Chistopol: «I owe a great debt to Chistopol... I have always loved depth of the country more than capitals. Chistopol and its winters, its people and houses have been so dear to my heart since I saw them in the winter of 1941, when I came here to my evacuated family».

In the year of Boris Pasternak's 125th anniversary, Institute of Economics, Management and Law (Kazan) initiated publishing this book with the aim of demonstrating the role of Chistopol in the history of Soviet literature in World War II period and important milestones in the biography of Boris Pasternak during his evacuation in Chistopol.

The book is divided into a number of sections. The first one, written by Assistant Professor of Department of Philosophy, Chistopol Branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Candidate of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Military History *A. A. Gayfutdinov* (art. 1, 2) provides a detailed account of literary life of Chistopol during the Great Patriotic War. The second section written by Associate Professor of Department of Foreign Languages and Translation, Chistopol branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Candidate of Philology *H. N. Galimova* (art. 3, 4) presents the Chistopol period of Boris Pasternak's life. It is believed that during this period Pasternak was especially prolific: it was Chistopol where he began thinking about his future masterpiece, the novel «Doctor Zhivago». The significance of this novel in culture and social history is the theme of the article written by Doctor of Philosophy, Professor, Director of Institute of Social Philosophy of IEML (Kazan) *O. D. Agapov* (art. 5).

The authors express their sincere gratitude to Doctor *M. I. Solnyshkina*, Professor of Department of Germanic Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication named after L. Tolstoy of Kazan Federal University, for her collaboration and translation of the book into English.

Литературно-культурная жизнь Чистополя в годы Великой Отечественной войны

Чистополь – глубоко тыловой город, который с первых же дней войны мобилизовал все силы на борьбу с врагом. Каждый советский человек понимал, что над родиной нависла угроза уничтожения. Вечером 22 июня 1941 года в центре городского парка культуры и отдыха (ныне Скарятинский сад) прошел митинг с участием тысяч чистопольцев.

Уже на второй день войны по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Население города росло с фантастической быстротой. В Чистополь эвакуировали пять фабрик и заводов со всем оборудованием и обслугой, а также следственные изоляторы двух тюрем – «Таганской» и «Бутырской».

Город Чистополь в годы войны по воле судьбы оказался пристанищем для целой «армии» (более двух тысяч) работников культуры, литературы, искусства и для их семей.

Писатели прибывали вместе с остальными эвакуированными с захваченных немцами территорий. Население города, составлявшее до войны около 20 тысяч человек, увеличилось более чем вдвое. В этом провинциальном городке нашли гостеприимный приют такие известные деятели культуры и советские писатели, как А. Фадеев, Н. Асеев, П. Павленко, И. Сельвинский, К. Федин, М. Исаковский, К. Тренев, Л. Леонов, А. Твардовский, Л. Ошанин, А. Сурков, Б. Пастернак и семьи некоторых писателей, ушедших на фронт. В Чистополь переехали мать и сестры В. В. Маяковского, родители и жена Ю. Крымова, сын А. П. Гайдара Тимур и др. На время стали чистопольцами В. Бахметьев, Д. Бедный, С. Маршак, К. Паустовский. Здесь функционировал филиал Союза советских писателей, председателем которого был К. А. Федин.

Писатели развернули в городе большую творческую и общественную работу. Важная роль в активизации работы литераторов в Чистополе принадлежала членам президиума правления Союза писателей СССР Н. Асееву, М. Исаковскому, К. Треневу, Б. Пастернаку и К. Федину. Каждый из них внес свою лепту в культурное развитие города, показывая личный пример высокой идейности и организованности как в творчестве, так и в быту. Дом учителя, в котором в годы Великой Отечественной войны размещалось отделение Союза советских писателей, стал центром этой деятельности.

Literary and cultural life of Chistopol during the Great Patriotic War

Chistopol was a remote town which from the first days of the war mobilized all forces to fight the enemy. Every Soviet citizen knew that the fatherland was under the threat of destruction. On the evening of June 22, 1941 thousands of Chistopol citizens came for a public rally held in the central city park (now Skaryatinsky garden).

Evacuation Board was established on the second day of the war by the decision of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and Council of People's Commissars of the USSR. The city's population was rapidly growing: five factories and plants with all the equipment and attendants, as well as the accused of pre-trial detention centres of two prisons – «Taganka» and «Butyrka» were evacuated to Chistopol.

During the war the city of Chistopol by some quirk of fate became a haven for a cohort of over two thousand workers of culture, literature, art, as well as their families.

The writers were arriving in Chistopol together with other evacuees from occupied territories. The population of the town doubled: the evacuees were as many as the native citizens. The «provincial town» welcomed and provided a hospitable shelter to such well-known cultural leaders and Soviet writers as A. Fadeyev, N. Aseev, P. Pavlenko, I. Selvinsky, K. Fedin, M. Isakovsky, K. Trennev, L. Leonov, A. Twardowski, L. Oshanin, A. Surkov, B. Pasternak and the families of some writers who went up the line. Chistopol hosted V. V. Mayakovsky's mother and sisters, parents and wife of Yu. Krymov, Timur, the son of A. P. Gaidar, and others. For some time, V. Bakhmetyev, D. Bednyi, S. Marshak, K. Paustovsky became the citizens of Chistopol. A branch of the Union of Soviet Writers, chaired by K. A. Fedin, began working in Chistopol.

The evacuated writers became involved in social life of the city and kept working on their books. The most active among them were members of the Presidium of the Union of Soviet Writers: N. Aseev, M. Isakovskiy, K. Trennev, B. Pasternak and K. Fedin. Each of them contributed to the cultural development of the city, demonstrating high standards of organization and morality. House of Teachers, which during the Great Patriotic War housed the Department of the Union of Soviet Writers, became the center of this activity.

In his memoirs L. L. Selvinsky wrote: *«My wife, Vera Yakovlevna Selvinskaya, worked hard to organize regular literary soirees in the House of Teachers. She and many other comrades told me that these conversaciones in Chistopol were better than those in Moscow».*

В своих воспоминаниях Л. Л. Сельвинский писал: *«Жена моя, Вера Яковлевна Сельвинская, много работала для устройства систематических литературных вечеров в Доме учителя. Она и многие другие товарищи рассказывали мне, что таких вечеров, какие бывали в Чистополе, не было даже в Москве».*

Взволнованные строки в своей книге «Почти три года» посвятила Чистополю советская поэтесса и прозаик В. М. Инбер (1890–1972). Приехав из осажденного Ленинграда в июле 1942 года, она несколько дней знакомилась с городом. В своем дневнике она писала: *«Я говорила и читала хорошо, хотя читать мне было трудно. Я старалась ... мне хотелось через все это пространство, через пол-России протянуть сюда, придвинуть вплотную к этому тихому прикамскому городку гранитную громаду Ленинграда, смутно освещенную сейчас уже догорающими белыми ночами».*

В Чистополе советские писатели продолжали работу над произведениями, вошедшими потом в Золотой фонд советской литературы. Для них это были годы активной творческой деятельности. Л. М. Леонов написал здесь трагедию «Нашествие», позднее удостоенную Государственной премии. Пьеса, режиссером которой был сам автор, впервые была поставлена в Доме учителя. К. А. Тренев создал пьесы «Полководец», «Торжество», «Солнце играет» и рассказ «День рождения», А. Т. Твардовский читал чистопольцам на литературных вечерах отрывки из поэмы «Василий Теркин». Неоднократно в Доме учителя и в кинотеатре «Темп» выступал А. А. Фадеев, который приезжал в город навестить свою семью. П. А. Павленко работал здесь над сценарием произведения «Искатели», читали свои стихи также А. А. Сурков, Е. А. Долматовский, С. П. Щипачев и др. В Чистополе Н. Н. Асеев написал цикл произведений, объединенных в поэтическую «Поэму победы».

Особо плодотворными годы эвакуации в Чистополе были для Бориса Пастернака, который сочинил здесь несколько стихотворений, перевел трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра», подготовил для второго издания трагедию «Гамлет», работал над переводами стихов Ю. Словацкого.

Плодотворными в творческой биографии оказались годы, проведенные в Чистополе, и для поэта М. В. Исаковского. Итогом стал цикл стихотворений, двадцать из которых были включены в сборник «Избранных стихов» издания 1947 года. Многие из этих стихов М. Исаковского были положены на музыку, и в дни великих боев наши бойцы пронесли эти песни по освобожденным странам Европы. Это: «Огонек», «Крутится, вертится шар голубой», «Не у нас ли, подруженьки», «В прифронтовом лесу» (рукопись хранится в г. Чистополе), «Ой, туманы мои, растуманы ...» и многие другие. Разящие строки, яркие образы патриотических песен звучали призывом к борьбе за родину и воодушевляли людей на яростный бой с врагом.

A Soviet poet and novelist V. M. Inber (1890–1972) dedicated impassioned lines to Chistopol in the book «Almost Three Years». Arriving from the besieged Leningrad in July 1942, she spent a few days exploring the city. In her diary she wrote: *«I spoke and read well, although it was difficult to read. I tried hard ... Across this space, across the territory of half Russia I would like to pull, to move closer to this quiet town on the Kama the granite colossus of Leningrad, now dimly lit with white nights».*

In Chistopol the Soviet writers were working on the books which later on became the golden fund of Soviet literature. For writers those were the years of active creative work. L. M. Leonov wrote the tragedy «Nashestvie (lit. Invasion)», which was awarded the State Prize. The play, directed by the author himself, was first staged in the House of Teachers of Chistopol. K.A. Trennev wrote the play «Polkovodets (lit. The Commander)», «Torzhestvo (lit. Triumph)», «Solntse igraet (lit. The Sun Plays)» and the story «Den rozhdeniya (lit. The Birthday Party)». In Chistopol conversaciones A. T. Twardowski read pieces from the poem «Vasily Terkin». A. A. Fadeev who would come to the town to visit his family participated in literary soirees held in the House of Teachers and in the cinema «Temp». P. A. Pavlenko worked here on the script of «Iskateli (lit. The Searchers)». A. A. Surkov, E. A. Dolmatovsky, S. P. Shchipachev and many others recited their poems. In Chistopol N. N. Aseev wrote a series of poems, united in the «Poem of Victory».

Particularly prolific were those years of evacuation in Chistopol to Boris Pasternak, who created here a few poems, translated Shakespeare's «Romeo and Juliet», «Antony and Cleopatra», edited «Hamlet» for the second edition and worked on translations of Yu. Slovak's poetry.

Prolific were also the years in Chistopol for poet M. V. Isakovskiy. There he wrote a number of poems, twenty of which were included in the book «Selected Poems» issued in 1947. Many verses of M. Isakovskiy were written during the war years in Chistopol, later on they were set to music, and in the days of great battles our soldiers would sing those songs in Europe, already free from fascism. Those were «Ogonek (lit. Light)», «Krutitsya vertitsya shar goluboy (lit. Where is the small lane, where is the chamber?)», «Ne u nas li, podruzhenki (lit. Do not we know, friends)», «V lesu prifrontovom (lit. In the front-line woods)» (the manuscript is still kept in the city of Chistopol), «Oy, tumanyi moi, rastumanyi (lit. Oh, my mists, beautiful mists ...)» and many others. The crushing lines, bright images of patriotic songs sounded as a call to fight for the country and inspired people for fierce battles with the enemy.

Чистополь. Многие женщины, москвички и ленинградки, работали для фронта — шили белье и теплую одежду бойцам Красной армии¹

Chistopol. Many women, including those from Moscow and Leningrad were working for the front — sowing underwear and warm clothing for the Red Army soldiers

Михаил Исаковский. Чистополь. 1942 г.

Michael Isakovskiy. Chistopol. 1942

¹ См. оригинал материала на сайте «Совершенно секретно» (Please, refer for the originals to site, «Sovershenno Sretno»). URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4529/>

Писатели с комсомольцами Чистополя (из фондов мемориального музея г. Чистополя)
 Writers with young communists of Chistopol (from the collections of the Memorial Museum of Chistopol)

Писатели М. Исаковский, Л. Леонов, Ш. Ш. Сидяев со своими семьями.
 1942 г. (из фондов мемориального музея г. Чистополя)
 Writers M. Isakovsky, L. Leonov, Sh. Sh. Sidaev with their families
 (from the collections of the Memorial Museum of Chistopol)

Много лет спустя, в 1966 году, Михаил Васильевич напишет: «... *Находясь в Чистополе, я написал довольно много стихов и песен. Главной моей темой была война. Я искренне благодарен Чистополю за то, что в трудное время он дал приют и мне, и многим моим сотоварищам. Правда, приют не был особенно ласковым, но я понимаю, что время тогда было крайне трудное, и с этим обстоятельством нельзя не считаться*».

В годы войны чистопольское радиовещание, возглавляемое писательницей Н. В. Чертовой, было одним из лучших в Татарии. По местному радио выступали многие известные писатели. Каждую неделю транслировались литературные передачи для взрослых и школьников, регулярными были передачи для села с участием М. А. Шамбадала (деда Камчадала). Свыше четырехсот раз он выступил у микрофона со стихотворными фельетонами и переводами Шолом-Алейхема.

Прежде чем стать известными для всей страны, многие произведения, впервые читались у чистопольского микрофона. Леонов впервые читал здесь свою трагедию «Нашествие», Федин – отрывки из второй части книги «Горький среди нас», которую закончил именно здесь – на чистопольской земле, Исаковский – «В лесу прифронтовом», «Огонек», «Ой, туманы, мои растуманы» и многие другие. Читались и новые произведения, присылаемые писателями с фронтов женам или родственникам.

Местное радио было также открыто и для театра. Под руководством А. О. Степановой в нем играли артисты Москвы и Ленинграда. Впервые театр вышел в эфир в передаче «Театр у микрофона» с постановкой пьесы К. Симонова «Русские люди». Исполнителями ролей были А. Авдеев, Н. Федина, М. Шамбадал, М. Добрынина и др. Также были поставлены две одноактные пьесы Галиаскара Камала: «Из-за подарка» и «Первый театр».

Местная газета «Прикамская коммуна» в годы войны вела большую воспитательную работу. На ее страницах в 1941–1943 годах был опубликован цикл стихов, очерков и статей, два из которых принадлежат М. Исаковскому («1943 год», «Клятва бойцов»). Они наполнены жгучей ненавистью к врагу и уверенностью в грядущей победе советского народа. В стихотворении И. Сельвинского «Комиссар» был воссоздан образ советского комиссара с душой настоящего бойца. Ненавистью к захватчикам пронизано стихотворение «Кровь за кровь» Л. Ошанина.

Участие писателей в общественно-политической жизни города этим не ограничивалось. Они постоянно выступали перед рабочими на заводах и фабриках, на митингах в городском парке и кинотеатрах, встречались со школьниками и студентами. Чистополь не только дал прибежище тем литераторам, кто по возрасту, по состоянию здоровья не мог надеть воинские гимнастерки, и семьям тех,

Many years later, in 1966, Michael Isakovskiy wrote: *«... in Chistopol, I wrote a lot of poems and songs. My main theme was the war. I am sincerely grateful to Chistopol for the shelter the city gave me and many of my friends in hard times. However, the shelter was not particularly friendly, though I do understand that the time was extremely hard, and this fact cannot be ignored».*

During the war Chistopol radio broadcasting run by writer N. V. Chertova was one of the best in Tatarstan. Many well-known writers addressed people through the local radio. Weekly literary programmes for adults and schoolchildren were very popular. Programmes with M. A. Shambadal (grandfather Kamchadal) for farmers became favourite: he recited poetic feuilletons and translations of Sholem Aleichem in more than four hundred radioprogrammes.

Before becoming known throughout the country, literary works were first read on Chistopol radio. Those were Chistopol radio listeners who were the first to hear Leonov's tragedy «Invasion», Fedin's excerpts from the second part of the book «Gorkiy sredi nas (lit. Gorkiy among us)» (he also finished it in Chistopol), Isakovskiy's «V lesu prifrontovom (lit. In the front-line woods)», «Ogonek (lit. Light)», «Oy, tumanyi moi, rastumanyi (lit. Oh, my mists, beautiful mists ...)» and many others. Chistopol radio also became the first to broadcast new works sent by writers-soldiers from the front line to their wives or relatives.

The local radio was also open to the theater, at that time run by S. A. Stepanova and the cast of which were actors from Moscow and Leningrad. The first radio theatre program was the play «Russian people» by K. Simonov. The performers were A. Avdeyev, N. Fedina, M. Shambadal, M. Dobrynina and others. Two one-act plays by Galiaskar Kamal were also broadcasted, they were «Because of the present» and «The First House».

During the war the local newspaper «Prikamskaya kommuna (lit. Commune of Prikamye)» published materials discussing educational issues. In 1941–1943 many poets and literary workers contributed their poems, essays and articles to «Prikamskaya kommuna»: M. Isakovskiy published two poems («Year 1943», «Klyatva boicov (lit. The Oath of fighters)»). These are the poems burning with hatred for the enemy and confidence in the future victory of the Soviet people. The poem «Commissar» by Selvinsky depicts a Soviet Commissioner with the soul of a soldier. The poem «Blood for Blood» by L. Oshanin is full of hatred for invaders.

The participation of writers in the socio-political life of the city is not exhausted. They constantly spoke to the workers in the factories, at rallies in the public park and movie theaters, met with schoolchildren and students. Chistopol gave shelter not only to those writers whose age or health kept them from the front, but also to the families of those who were fighting. Chistopol provided the writers with work so that

кто воевал, но и возможность трудиться, черпать силы, чтобы одолеть все испытания военных лет и заряжать этой энергией победителей весь советский народ.

В годы войны деятели литературы и искусства встали в один строй с защитниками родины. Они тоже сражались, только их оружием было перо. Большинство произведений литературы создано непосредственно в боевой обстановке, по горячим следам военных событий. Мы видим, что настоящая, подлинная, суровая и правдивая литература создавалась не только под свист пуль и снарядов во фронтовой землянке, но и далеко в тылу, в «... дальнем Чистополе на Каме», который стал для живших там писателей родным и близким. Сердечные, искренние воспоминания о Чистополе, чувство благодарности к городу и его жителям, приютившим их, писатели сохранили на всю жизнь.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВО

Б. Л. ПАСТЕРНАКА

«Верю я, придет пора —
силу подлости и злобы
одолеет дух добра ...»

Б. Пастернак

Особое место в этой военно-литературной эпопее Чистополя занимает всемирно известный русский поэт, прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1958 года Борис Леонидович Пастернак, 125-летие которого мы отмечаем в 2015 году.

Б. Л. Пастернак родился в интеллигентной еврейской семье в Москве. Отец поэта, Леонид Осипович Пастернак, был художником, академиком живописи Петербургской академии художеств. Мать поэта, Розалия Исидоровна Кауфман, известная пианистка, до замужества была профессором Одесского отделения Императорского русского музыкального общества. Возможно, это обстоятельство и дружба родителей с великими художниками (И. И. Левитаном, С. Ивановым, М. Н. Нестеровым, В. Д. Поленовым), музыкантами (А. Н. Скрябиным, С. В. Рахманиновым), их музыкальные выступления в доме Пастернаков привели к тому, что Борис Леонидович 13-летним мальчишкой профессионально увлекся музыкой, хотя уже с детства занимался живописью.

they could inspire all Soviet people, gave them strength, helped to overcome all the hardships of the war years.

During the war writers and artists were also fighting with enemies of the motherland, just like soldiers with their creative work being the weapon. Most literary works were written in combat environments, just after a battle. But genuine, harsh and truthful literature was created not only in the whizz of bullets and shells or in a front dugout, but also far behind enemy lines, in «... a far Chistopol on the Kama River», which became a native town for the writers who were evacuated there. For the whole life, the evacuated writers kept kind memories of Chistopol and gratitude to the host city and its citizens.

PAGES OF BIOGRAPHIES AND CREATIVE WORK OF B. L. PASTERNAK

“I believe that cruelty, spite,
the powers of darkness will in time
be crushed by the spirit of light ...”

B. Pasternak

A special place in the military and literary epic of Chistopol belongs to the world-famous Russian poet, novelist and 1958 Literature Nobel Prize winner Boris Leonidovich Pasternak, whose 125 jubilee we are celebrating this year.

Boris Pasternak was born in a family of Jewish intellectuals in Moscow. The poet's father, Leonid Osipovich Pasternak, was an artist, a member of Petersburg Academy of Arts. The poet's mother, Rosalia Isidorovna Kaufman, a famous pianist, before her marriage was a professor of Odessa branch of Imperial Russian Musical Society. Perhaps this circumstance as well as friendship with great artists (I. I. Levitan, S. Ivanov, M. N. Nesterov, V. D. Polenov), musicians (A. N. Scriabin, S. V. Rachmaninoff) and their musical performances in the Pasternak's house inspired 13-year-old Boris to become a professional musician, though since his childhood he had been passionate for painting.

Scriabin's creative works influenced Boris Pasternak's decision to apply to Moscow Conservatory. Pasternak learned the art of classical music, studied theory of composition and composed music.

Творчество А. Н. Скрябина повлияло на его решение поступить в Московскую консерваторию. Пастернак учился искусству академической музыки, изучал теорию композиции, писал музыкальные произведения.

Но когда встал вопрос выбора между профессиональной музыкой и философией, он отказался от карьеры музыканта, по всей видимости, из-за того, что «не было абсолютного слуха», как он сам впоследствии признался. Так, в 1908 году, окончив пятую московскую гимназию с золотой медалью, он поступил на юридический факультет Московского университета, а впоследствии, в 1909 году, перевелся на философское отделение историко-филологического факультета того же университета.

Б. Л. Пастернак интересовался философией, довольно серьезно изучал феноменологию Э. Гуссерля. Полгода он учился в Германии, в городе Марбурге, куда отправился 21 апреля 1912 года изучать идеи неокантианства у Г. Когена. Остаться за границей не захотел, хотя мог начать карьеру профессионального философа, защитив докторскую диссертацию. Он знал, что приехал в Германию познавать философию для того, чтобы проститься с нею навсегда.

По возвращении в Россию из Италии, куда в 1912 году он ездил вместе с родителями и сестрами, Пастернак знакомится с московскими литераторами. И это не случайно, ведь он с детства рос в кругу интеллигенции, представители которой были частыми гостями их дома. Среди них были такие известные писатели и поэты, как Лев Николаевич Толстой, Владимир Маяковский.

Ни живопись, ни музыка, ни философия хотя и не стали предметом профессиональных занятий, не ушли из его жизни, а, объединившись в новом качестве, определили своеобразие его поэтического стиля, особенности мировосприятия. Настоящим призванием стала литература: это стало очевидным уже после выхода его первого цикла стихов в коллективном сборнике «Лирика» и первой книги «Близнец в тучах». Следующий сборник стихов «Поверх барьеров» вышел в свет в 1916 году, когда уже шла Первая мировая война, и приближались революционные для России потрясения. В этом году Борис Леонидович несколько месяцев (до июня 1916 года) поработал в поселке Всеволодо-Вильва под городом Александровском Пермской губернии помощником по торгово-финансовой отчетности управляющего химическими заводами. В октябре 1916 года он был направлен в военно-учетный стол Ушковских химических заводов в Тихих горах Елабужского уезда Вятской губернии (ныне г. Менделеевск), где находился по март 1917 года.

Подлинная слава к Пастернаку пришла только после Октябрьской революции, когда была опубликована его книга «Сестра моя, жизнь» (1922 г.).

But when there was a question to choose between professional music and philosophy, he gave up a career of musician, apparently due to the fact that «he had no perfect pitch», as he later admitted. So, in 1908, after graduating, at the top of the class, from Moscow Gymnasium № 5, he was enrolled at Law School of Moscow University, and later, in 1909, he changed for the Departments of Philosophy, History and Philology School of the same university.

B. L. Pasternak was keen on Philosophy and studied phenomenology of Edmund Husserl. For a period of six months he studied ideas of neo-Kantianism of G. Cohen in Marburg, Germany, where he arrived in April 21, 1912. After he defended his doctoral thesis he could have started a career of a professional philosopher, but he left for Russia. He realized that Germany was the country where he arrived not only to study, but to part with Philosophy forever.

Later in 1912, Boris Pasternak, his parents and sisters visited Italy. On his return to Russia in Moscow, Pasternak made friends with many literary workers. And it did not happen by chance as Pasternak was raised among intellectuals, who were frequent visitors to their home. The most famous among them were Leo Tolstoy and Vladimir Mayakovsky.

Neither painting, nor music or philosophy became Pasternak's occupation, but they were important for him and amalgamated in a new way defining the uniqueness of his poetic style and worldview. His real vocation was literature: it became obvious after publishing his first collection of poems in the book «Lirika (lit. Lyrics)» and the first book of «Bliznets v tuchah (lit. A Twin in the Clouds)». The next collection of poems, «Poverh barerov (lit. Above the Barriers)» was published in 1916, when it was during the First World War, on the eve of the revolutionary upheavals in Russia. That year, for several months (up to June), Boris Leonidovich Pasternak worked as an assistant of Trade and Financial Reporting Control Department at chemical plants in the village of Vsevolodo-Vilva near the city of Alexandrovskoe, Perm province. In October 1916 he was sent to Ushki chemical plants in Tihie Gory, Elabuzhskiy District, Vyatka province for military registration, there he lived till March 1917.

Genuine fame came to Pasternak only after the October revolution, after publishing his book «Sestra moya, zhizn (lit. My Sister, Life)» (1922).

In 1922 Pasternak married a painter Yevgeniya Lourie, and in autumn 1923 Yevgeniya gave birth to the son whom they also called Yevgeniy.

However, in 1932, Pasternak married for the second time, his wife, Zinaida Nikolaevna Neuhaus was a divorcee of the pianist G. G. Neuhaus. In 1938 they had a son, Leonid. That year is also notable for the release of Pasternak's book «Vtoroe rozhdenie (lit. Second Birth)».

В 1922 году Пастернак женился на художнице Евгении Лурье, и осенью 1923 года у молодой семьи Пастернаков родился сын Евгений.

Однако в 1932 году Пастернак женился вторично на бывшей жене пианиста Г. Г. Нейгауза Зинаиде Николаевне Нейгауз. В 1938 году у них родился сын Леонид. Этот год также знаменателен выходом его книги «Второе рождение».

В 1920-е годы начинается период признания Б. Л. Пастернака. В свет вышли сборник «Темы и вариации», роман в стихах «Спекторский», поэмы «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт», автобиографические заметки «Охранная грамота». В 1934 году он выступает с речью на I съезде Союза писателей СССР. Последней его поездкой за границу стала поездка в Париж для участия в Международном конгрессе писателей в защиту мира. Уже в 1936 году Пастернака стали обвинять в «отрешенности от жизни». Так начинается его отчуждение от официальной литературы. Он начинает заниматься переводами, живя в подмосковном селе Переделкино, где он остается до начала Великой Отечественной войны. *«Я дежурил в ночи бомбардировок на крыше двенадцатиэтажного дома – свидетель двух фугасных попаданий в это здание в одно из моих дежурств, – рыл блиндаж у себя за городом и проходил курсы военного обучения, неожиданно обнаружившие во мне прирожденного стрелка»,* – пишет в своих воспоминаниях Пастернак о первых месяцах войны.

После того как его неоднократные просьбы о вступлении в ряды советской армии были отклонены из-за преклонного возраста и состояния здоровья (неправильно сросшегося перелома ноги), Б. Л. Пастернак приехал (18 октября 1941 года) с группой эвакуированных писателей в Чистополь. Его жена Зинаида Николаевна и сыновья к тому времени уже находились в Чистополе несколько месяцев. Жили они в интернате Литфонда, где Зинаида Николаевна работала сестрой-хозяйкой.

Пастернак прожил в Чистополе осень и зиму 1941 года, почти весь 1942 год (зимой он ездил в Москву, но вернулся) и окончательно распростился с камским городком летом 1943 года.

После возвращения в Москву Пастернак появился перед широкой аудиторией на литературных вечерах, где с воодушевлением читал свои стихи под бурные аплодисменты многочисленных почитателей.

В конце лета 1943 года Пастернак побывал на фронте в роли военного корреспондента в расположении Третьей армии, освободившей Орел. Во время этой поездки Пастернак вел путевые заметки и, кроме того, собирал материалы о жизни и смерти Зои Космодемьянской. Впоследствии они послужили ему основой для биографии погибшей невесты Дудорова – Христины Орлецовой, одного из значимых имен в «Докторе Живаго».

In the 1920s B. L. Pasternak received recognition: that was the period of publishing his collection of poems «Temy i variatsii (lit. Themes and Variations)», a verse novel «Spektorskiy (lit. Spektorsky)», the poem «Devyatsot pyatyiy god (lit. Nine hundred and fifth year)» and «Leytenant Shmidt (lit. Lieutenant Schmidt)», autobiographical notes «Ohrannaya gramota (lit. Safe Conduct)». In 1934 he made a speech at the First Congress of the Union of Soviet Writers. His last trip abroad was a trip to Paris to attend the International Congress of Writers for Peace. But in 1936 Pasternak was accused of «detachment from life». Thus begins his alienation from official literature. He had to turn to translations for a living in the suburban village of Peredelkino, where he remained until the beginning of the Great Patriotic War. About the first months of the war Pasternak wrote the following: *«I was on duty on the roof of a twelve-storey house when it was bombed – I was an eye witness of the two explosive hits in this building on one of my duties – I was digging a bunker in the suburbs of the town and took military training courses, and I surprisingly found an inborn shooter in myself».*

After his repeated requests to join the Soviet army had been rejected due to his advanced age and poor health (malunion of a leg), on October 18, 1941, Boris Pasternak and a group of evacuated writers arrived in the city of Chistopol. His wife, Zinaida, and sons had already been in Chistopol for a few months. They lived in a boarding house of Litfond where Zinaida worked as a matron.

Pasternak lived in Chistopol autumn and winter of 1941, almost all of 1942 (in winter, he visited Moscow, but came back later) and bid farewell to the Kama city in summer 1943.

After returning to Moscow, Pasternak appeared before a wide audience on literary soirees, where he enthusiastically recited his poems and was welcomed with applause of numerous admirers.

In late summer of 1943 Pasternak, as a war correspondent, travelled to the front, to the Third Army, which freed Orel. During this trip, Pasternak wrote numerous travel notes, a journal and, in addition, he was collecting materials about the life and death of Zoe Kosmodemyanskaya. Later on these materials were used for depicting the character of Christina Orletsova, a deceased fiancée of Dudorov, one of the most important characters in «Doctor Zhivago».

In the same 1943, after eight years of silence, Pasternak published a small collection of 26 poems «Na rannih poezdah (lit. On Early Trains)». This modest poetic collection contained only 26 poems, but was bought immediately up. In 1945, at the end of the war, there was another book of poetry of Pasternak's «Zemnoy prostor (lit. Terrestrial space)». And after the end of war, he started to write his famous work «Doctor Zhivago». It is the pinnacle of his work which he finished in 1955.

Рус

Набросок к портрету Скрябина. 1909 г. (Л. О. Пастернак)
Sketch for a Portrait of Skryabin, 1909 (L. O. Pasternak)

Соната для фортепиано
и прелюдия (из фондов
мемориального музея
г. Чистополя)

Sonata for Piano and
Prelude (from the
collections of the
Memorial Museum from
the city of Chistopol)

Выпуск пятой московской гимназии.
1908 г. Б. Пастернак — в нижнем ряду 2-й справа
Boris Pasternak is in the bottom row, 2nd from the right

1908 г. Б. Пастернак — в нижнем ряду 2-й справа

Boris Pasternak is in the bottom row, 2nd from the right

Boris Pasternak is in the bottom row, 2nd from the right

Борис Пастернак, Евгения Лурье и их сын Евгений. 1924 г.
Boris Pasternak, Yevgeniya Lourie and their son Yevgeniy. 1924

Б. Пастернак, З. Н. Нейгауз с младшим сыном Леонидом
Boris Pasternak and Z.N. Neuhaus with their younger son, Leonid

Чистополь. Дом на улице Володарского, где жил Борис Пастернак
Chistopol. The house in Volodarsky Street, where Boris Pasternak lived

Рус

**Борис Пастернак с сыном Леонидом. Чистополь.
1942 г.**

Boris Pasternak and his son Leonid.
Chistopol. 19423

Журнал «Новый мир»

Magazine «Noviy mir (The New World)»

**Б. Л. Пастернак
и О. В. Ивинская**
B. L. Pasternak
and O. V. Ivinskaya

**Могила Пастернака
в Переделкино**
The Grave of Pasternak
in Peredelkino

Похороны Бориса Пастернака
The funeral of Boris Pasternak

В этом же 1943 году выходит в свет первая за последние восемь лет его молчания книга «На ранних поездах». Этот скромный поэтический сборник содержал всего 26 стихотворений, но был молниеносно раскуплен. В конце войны, в 1945 году, появилась еще одна книга поэзии Пастернака «Земной простор». А уже после окончания войны Пастернак приступает к написанию своего знаменитого произведения «Доктор Живаго», являющегося вершиной его творчества, работу над которым он закончил в 1955 году.

В октябре 1946 года в редакции журнала «Новый мир» Б. Л. Пастернак познакомился с Ольгой Всеволодовной Ивинской, которая на долгие годы стала его «музой». Пастернак сохранил с ней очень теплые отношения до самой смерти и посвятил ей многие свои стихи.

В 1949 году О. В. Ивинская (1912 года рождения) была арестована и на три года отправлена в мордовский лагерь (лагерь для «изменников Родины» и политзаключенных) только за то, что поддерживала тесные отношения с Б. Пастернаком.

Переживания, стрессы сделали свое дело – в 1952 году Пастернак перенес первый инфаркт. После публикации романа «Доктор Живаго» в Италии в 1957 году и позже в Англии начинается травля автора в печати. Его исключили из Союза писателей СССР. Однако в 1958 году Борису Леонидовичу (второму писателю из России после И. А. Бунина) «За значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа» была присуждена Нобелевская премия мира в области литературы. После этого травля только усилилась, и автор был вынужден отказаться от премии, хотя Нобелевского лауреата вручили его сыну – Евгению Пастернаку в 1989 году в Стокгольме. Исключение Пастернака из Союза писателей СССР было отменено в 1987 году, после чего, через год «Доктор Живаго» был впервые напечатан в СССР в журнале «Новый мир».

Борис Леонидович Пастернак умер 30 мая 1960 года в поселке Переделкино от рака легких, похоронен на Переделкинском кладбище. В последний путь поэта провожали сотни людей.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА В ЧИСТОПОЛЕ

Имя Бориса Пастернака осталось в истории литературы навсегда. Людям всегда будет нужна его одухотворенная, чудесная и полная жизни поэзия, рассказывающая не только о всеобщем благе, но призывающая делать добро простым людям.

In October 1946 in the office of the magazine «Novyy mir (lit. New World)» B. L. Pasternak met Olga Vsevolodovna Ivinskaya who became his «muse» for the rest of his life. Pasternak kept very warm relations with her until his death and many of his poems were devoted to her.

In 1949 O. V. Ivinskaya (born in 1912) was arrested and served three years in a Mordovian camp (a camp for «traitors» and political prisoners) only for having maintained close relationships with Pasternak.

Ruefulness and stresses did their job – in 1952 Pasternak had his first heart attack. After publication of the novel «Doctor Zhivago» in Italy in 1957 and later, in England, Soviet mass media began persistent campaign against the author. He was expelled from the Union of Writers of the Soviet Union. In 1958 Boris Pasternak, the second Russian writer after I. A. Bunin, was awarded the Nobel Peace Prize in literature «for his important achievement both in contemporary lyrical poetry and in the field of the great Russian epic tradition». After this the harassment in press only increased, and the author was forced to reject the award, though he continued to publish his books and receive royalties. The Diploma and Medal of the Nobel Prize winner were handed over to his son – Yevgeniy Pasternak in 1989 in Stockholm. Excluding Pasternak from the Union of Soviet Writers was abolished in 1987, and in year «Doctor Zhivago» was for the first time published in the USSR, in the journal «Novyy mir (New World)».

Boris Leonidovich Pasternak died on May 30, 1960, in Peredelkino from lung cancer. He was buried in Peredelkino cemetery. Hundreds of people came to the funeral.

LIFE AND WORK OF THE POET IN CHISTOPOL

The name of Boris Pasternak will stay in the history of literature forever. People will always need his spiritual, wonderful and full of life poetry, telling people not only of the common good, but also calling to do good to individuals no matter how small the good may be.

У Б. Пастернака, как у каждого поэта, в творческой биографии есть вехи, обозначающие важные жизненные перемены. Особым этапом в судьбе и творчестве Пастернака были годы Великой Отечественной войны и время его трехлетней эвакуации в городе Чистополе, в маленьком провинциальном городке на Каме.

Жизнь в Чистополе в военные годы проходила для поэта нелегко, но он был терпелив и вынослив. *«Выглядел Пастернак плохо, особенно во вторую нашу эвакуационную зиму. Похудел, пожух, жилы на шее натянуты, словно струны, рот как-то разучился закрываться ... Он говорил о своей любви к Чистополю, к людям Чистополя, к небу Чистополя. Но был сумрачен, подавлен. Конечно, нас всех мучил голод ...»* (из воспоминаний Натальи Соколовой, 1942).

Несмотря на тяжелые условия труда, голод и лишения, жизнь в провинции для Пастернака была благотворна в творческом и психологическом плане, поскольку только здесь он мог ощутить себя свободным, «страшный глаз отворачивался» от него. Опыт эвакуации оказался очень существенным в жизни Бориса Леонидовича. Про чистопольский период он писал своему брату в Москву: *«Жил я разнообразно, в общем, прожил счастливо. Счастливо в том отношении, что, насколько возможно, я старался не сгибаться перед бытовыми неожиданностями и переменами и прозимовал в привычном труде, бодрости и чистоте. Меня в этом отношении ничто не останавливало ...»*.

В отличие от многих эвакуированных писателей Пастернак увидел в чистопольском заточении не наказание, а почти поэзию: *«Мы все здесь значительно ближе к истине, чем в Москве. В нравственном отношении все сошли с котурн¹, сняли маски и помолодели, а в физическом – страшно отощали ...»* (из письма Б. Пастернака А. Пастернаку от 22 марта 1942 года).

Вопреки жестоким морозам, камским ветрам, было живо и обретало совершенство его творчество. Судьба, оградив Б. Пастернака от участия в Великой Отечественной войне, поставила его в позицию созерцателя, с которой он никак не хотел мириться. Он был готов «крупно» сразиться с жизнью, ринуться против ее стихии в заведомо неравный бой, поражение в котором величественнее победы. В суровых условиях тылового быта поэт пишет статьи и цикл «Стихи и о войне» («Зима приближается», «Старый парк»), начинает цикл стихов памяти Марины Цветаевой, создает шедевры переводческого искусства, участвует в литературно-художественных вечерах и писательских собраниях. Здесь он живет напряженной общественной и духовной жизнью. *«Я должен каждый день работать, иначе я стыжусь самого себя»*, – эти слова Пастернака как нельзя лучше характеризуют его.

¹ Здесь: стать ближе к читателю.

In the creative biography of Boris Pasternak, as in any poet's biography, there are milestones indicating important life changes. A special stage in the life and work of Pasternak were years of World War II, his three-year evacuation in Chistopol, in a small town on the Kama River.

Life in Chistopol during the war was not easy for the poet, but he was patient and enduring. *«Pasternak looked bad, especially in the second winter of our evacuation. Thin, exhausted, the veins on his neck stretched like strings, the mouth somehow did not close ... He spoke of his love for Chistopol, Chistopol people, for Chistopol sky. But he was gloomy, depressed. Of course, we all were starving ...»* (from memoirs of Natalia Sokolova, 1942).

Despite the hard working conditions, hunger, the rough and tumble of life in the province, Pasternak felt better as he became more prolific and here he was free as «scary eyes turned away» from him. Experience of evacuation was very essential in Boris Leonidovich's life. About Chistopol period he wrote to his brother to Moscow: *«I lived differently, mostly happily. Happily, in the sense that, as far as possible, I tried to overcome all household emergencies and changes, I worked and lived the winter months in my usual way: in vitality and purity. Nothing stopped me in this respect ...»*.

Unlike many writers who had been evacuated, Pasternak saw the Chistopol prison not as a punishment, but almost as poetry: *«Here we are much closer to the truth than in Moscow. Morally all have taken off the buskins and the masks, are feeling young again, and physically are terribly wasted away ...»* (from a letter written by B. Pasternak to A. Pasternak, March 22, 1942).

Despite the bitter cold and the Kama winds, his creative work was alive and was close to reaching perfection. Fate, having protected him from the necessity to participate in the Great Patriotic War, made him a beholder, and he did not want to put up with it. He was willing to challenge life, to rush against it in a notoriously unequal battle, defeat in which is grander than victory. Under harsh living conditions during war, the poet writes articles and a cycle of «Poems and the war» («Winter is approaching», «Old Park»), he starts a cycle of poems dedicated to Marina Tsvetaeva, creates translation masterpieces, is involved in literature and art events, and attends writers' meetings. Here he lives a tense social and spiritual life: *«I have to work every day, otherwise I am ashamed of myself»*. These words characterize him very well.

The war was changing everything around, tearing down false covers, turning private pain and sufferings into something common. Pasternak was tormented by the inability to hear the truth and to talk to people in the same language. During these tragic years, he was seriously concerned with the issue of communication with the reader: he purports to become needed and wants people to understand him. Pasternak aggressively seeks his way in poetry and searches for his face. Chistopol helped

Война меняла все, срывала ложные покровы, превращая частную боль и отдельное страдание в общую беду. Пастернак задыхался от невозможности слышать правду, разговаривать с людьми на одном языке. В эти трагические для всех годы он серьезно озабочен проблемой общения с читателем: он стремится быть нужным и понятным. Пастернак настойчиво ищет свой путь в поэзии, свое лицо. И Чистополь в этом помог ему: здесь, проникая в глубину огромной России, он начал понимать и постигать душу простого человека из провинции, лишенного всех жизненных благ. Вместе с народом в тридцатиградусный мороз, разгружая дрова на Каме, он говорил: *«Здесь мы ближе к коренным устоям жизни. Во время войны все должны жить так, особенно художники»*. В том и гениальность Пастернака как глубоко русского и народного поэта и прозаика, что он, городской интеллигент, оказался органически связанным со своим народом в самом полном смысле этого слова, потому что ощущал душу этого народа и душу той земли, которая произвела этот народ. *Провинция, «накрытая небом, как крышей», быт и уклад «звероподобного пошехонья», глушь «милого сердцу Чистополя», прелесть «зачитанной книги»* — все это вдохновляло его и вошло в неотъемлемую составляющую художественного опыта Бориса Пастернака.

Чистопольский период Б. Пастернака был ознаменован переводческой деятельностью. *«Личное творчество кончилось. Я ушел в переводы»*, — много лет спустя написал Пастернак об этом времени. Уклон в сторону переводческой деятельности был связан и с личными обстоятельствами: за отказ воспевать коллективизацию произведения Пастернака перестали печатать, издавались только переводы, да и то с трудом. Встал вопрос заработка писателя, надо было прокормить себя и семью. Поэтому Пастернак привез с собой в Чистополь два договора на переводы «Ромео и Джульетты» и сборника польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого.

Считая Шекспира столпом английской литературы (как А. С. Пушкина в России), Пастернак задумал переложить на русский язык его трагедии и стихотворения. Уже через два месяца поэт перевел пьесу «Ромео и Джульетта», а затем и большой цикл стихотворений Юлиуша Словацкого, поэмы, трагедию о Марии Стюарт. Одновременно он воплощает свой яркий замысел давних времен — перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира, заказанный ему Малым художественным академическим театром.

Зинаида Николаевна как-то, говоря о работе Б. Пастернака над переводами, обмолвилась, что «мужа тяготит “обочинность” его положения». Шла Великая Отечественная война, противоборствовали народы, а Пастернак переводил, печально наблюдал, как тяжело трудится его жена, выручая семью, ежедневно одной и той же дорогой шагала за убогим персональным обедом и вообще «не творил историю». Обоченность, отстраненность, непричастность ...

him with it: here, penetrating into the depth of Russia, he began to understand and comprehend the soul of a common man from the province, deprived of all good things in life. In a thirty-degree frost, unloading firewood on the Kama with fellow workers, he said: *«Here we are closer to the fundamental principles of life. During the war, everyone should live like this, especially artists»*. The genius of Pasternak as a deeply Russian and folk poet and writer, is that he, being an urban intellectual, appeared organically connected with his people in the fullest sense of this word, because he felt the soul of the people and the soul of the land, which gave birth to this nation. *The province «covered with sky as if it were a roof», an «animal-like» way of living in Poshekhonye, the wilderness of Chistopol that «soothes the soul», the charm «of an old book that has been read a hundred times»* – all of this inspired him and became an integral component of Boris Pasternak's artistic experience.

Boris Pasternak performed a lot of translation work during the Chistopolsky period. *«My private creative work is over. I have started translating»*, – wrote Pasternak many years later about this period of life. This translation activity was connected with personal circumstances: as Pasternak refused to praise collectivization, he could not get his works published, and it was extremely difficult to get his translations published as well. The writer had to earn money; he had to provide for himself and his family. Therefore, Pasternak had brought two translation contracts to Chistopol: «Romeo and Juliet» and a collection of poems by a Polish Romantic poet Juliusz Slowacki.

Pasternak considered Shakespeare to be the pillar of English literature (as Pushkin was for Russia), and thus he decided to demonstrate the tragedy of his poems in Russian. Within two months the poet translates the play «Romeo and Juliet», and then the great cycle of poems by Juliusz Slowacki, runes, the tragedy of Mary Stuart. At the same time he brings to life a great idea he had planned long before – the translation of «Antony and Cleopatra» by Shakespeare, which had been requested by the Maliy Hudozhestvenniy Academicheskii Theatre.

Once Zinaida Nikolayevna let a slip that her husband was burdened by his «roadside» position. The Great Patriotic War was on-going, peoples fought against each other, and Pasternak was translating, miserably observing how hard his wife was working, helping out the family, daily taking the same steps to receive a meager personal dinner and generally «not making history». The feeling of being on the edge, detachment, noninvolvement.

But the choice of Shakespeare as an «eternal companion» and a live communicator in these difficult years was dictated not only by the need to make a living, but also by deeper causes of morality: *«Shakespeare will always be a favorite poet of generations that are historically mature and that had encountered a lot in life ... Only a natural approach and full intellectual freedom are appropriate in relation to Shakespeare's*

6

Киселёвский.

Какая саж! Зачем же
Ты без любви на друзей ждешь?
Не так лиха, я, как кажется. Аппетит
Всегда собою будешь.

Антониш.

Всегда
Ошлывляясь будешь Киселёвский?
Но из любви к сааму сааму любви
Не ~~мне~~ ^{спасаю} так терпеть на прекращенье.
Куси вран в уродливых провде.
Тем будешь развлекать кто сегодня?

Киселёвский.

Песню с почлами.

Антониш.

Какова!

Но все к миру, упрямство - чародей.
И жев, и свех, и сею. Который же?
Ее заравнившись - соберменем во.
Послов приему раздво мши и вон,
В бою не никаких. Сегодня будешь
Врождаю по уму и наобман
Полное крауд. Ко дошо, чародей?
Мне так сама кошела.

(Суретиско)

Назвено.

(Антониш и Киселёвский
со свитом угродей)

Семетриш.

Как с безреш небрежен стал Антониш.

Римок.

Он во все на Антониш негра,

Рукопись Б. Л. Пастернака из мемориального музея (г. Чистополь)

Manuscript of B. L. Pasternak from the Memorial Museum
(the city of Chistopol)

Пастернак за переводом Шекспира. Чистополь. 1943 г.
Pasternak translating Shakespeare. Chistopol. 1943

Николай Асеев, Мария Петровых, Илья Сельвинский,
Борис Пастернак Чистополь, 1942 г. (фото В. А. Авдеева)

Nikolay Aseev, Maria Petrova, Ilya Selvinskiy,
Boris Pasternak Chistopol, 1942 (photo by V. A. Avdeev)

Но выбор Шекспира в качестве «вечного спутника» и живого собеседника в эти трудные годы был продиктован Пастернаку не только необходимостью добывать средства к существованию, но и более глубокими причинами нравственного порядка: *«Шекспир всегда будет любимцем поколений исторически зрелых и много переживших ... В отношении Шекспира уместны только совершенная естественность и полная умственная свобода. К первой я, как мог, готовился в скромном ходе моих собственных трудов, ко второй подготовлен своими убеждениями»* (Б. Пастернак «Мои новые переводы», «Огонек», № 47). Это был убедительный ответ тем, кто упрекал Пастернака в том, что в такое напряженное для страны время он занимается далекими от жизни сюжетами.

Переводы Пастернака высокохудожественны, и в тоже время являются отражением внутренней сути происходящего во всей ее глубине. Шекспировское слово заиграло новыми красками, сочетаниями и рисунками. Вероятно, пребывание в Чистополе, в этом простом провинциальном городе, свободном от суеты и амбиций Москвы, способствовало передаче текстов во всей их *«неслыханной простоте»*, характеризовалось четкостью выражения и уникальной *«пейзажной живописью»*. Переводы «шекспировские» трагедии, Пастернак стремился быть доступным для любого читателя и писал так, чтобы «всем было понятно». Если язык Шекспира можно назвать приукрашенным, то Пастернак больше придерживается «языка провинциала»: разговорно-просторечного, немного резкого, откровенного, с использованием стилистически сниженной лексики, что придает произведению черты национальной и этнической ментальности. В художественном стиле переводов Пастернака могли уживаться, с одной стороны, стремление *«делать русские стихи»* и, с другой стороны, строго придерживаться красоты языка Шекспира и следовать духу подлинника.

Это непростая переводческая работа требовала от Пастернака глобального изучения исторической и литературоведческой хроники, истории, филологии. Пастернак был завсегдатаем библиотек, много книг читал в оригинале. Особенной популярностью, конечно, пользовались книги Шекспира на английском. Как вспоминает А. Гладков: *«Он и в столовую брал с собой работу: англо-русский лексикон, миниатюрный томик Шекспира и очередную страничку перевода ... В ожидании порции водянистых щей из капусты (вскоре кончились и они) он работал»*.

26 февраля 1942 года чистовой вариант трагедии «Ромео и Джульетта» был готов. Декламация перевода Шекспира состоялась в зале городского Дома учителя. Денежный сбор полностью был переведен на подарки бойцам Красной армии. Под вечер в городе произошла авария электростанции, и Пастернаку пришлось читать при свете двух керосиновых ламп. Но это не препятствова-

works. *I obtained the former in the modest course of my own work, whereas the latter is the result of my views»* (Pasternak «My new translations» «Ogonyok», No. 47). It was a convincing answer to those who reproached Pasternak for being busy with stories that were remotely connected to real life in such hard times for the country.

Pasternak's translations are of high artistic quality, they reflect the inner core of what is happening in all its depth. He gave Shakespeare's texts new colors, combinations and patterns. Life in Chistopol, a simple provincial city, free from the hustle and ambitions of Moscow, must have contributed to the translation of the texts in all their «unprecedented simplicity», characterized by clarity of expression and a unique «*landscape painting*». While translating «Shakespeare's» tragedies, Pasternak sought to be understood by any reader, and wrote so that «*it was clear*» to everybody. If Shakespeare's language can be called embellished, Pasternak mostly adheres to the «language of a provincial»: colloquial expressions, with the use of vocabulary that is slightly sharp, frank, and stylistically reduced, which gives the translation the features of national and ethnic mentality. Pasternak's style of translation combined both, the desire to «*make Russian poetry*» and strict adherence to the spirit of the original work.

This by no means easy translation work required meticulous study of the historical and literary chronicle, history, philology. Pasternak regularly visited the library, read a lot of books in the original. The most popular among them were, of course, Shakespeare's books in English. A. Gladkov recalls, «*he brought work even to the dining room: he came with an English-Russian vocabulary, a small volume of Shakespeare and the next page of translation ... He was working in anticipation of a plate of watery cabbage soup (soon we ran out of it as well)*».

The translation of the tragedy «Romeo and Juliet» was ready on the 26th of February. The presentation of Shakespeare's translation took place in the City Hall «Teacher's House». The fees received from the presentation were fully transferred for gifts to the Red Army. That evening a power plant accident occurred in the town, and Pasternak had to read in the light of two oil lamps. But this did not prevent a full house, the hall was almost full, all the writers, and many local intellectuals attended the presentation ... K. Fedin, who attended this evening as well, enthusiastically praised Pasternak's translation skills. He reported in a letter to P. I. Chagin¹ on the following day, «*Pasternak finished the translation of "Romeo and Juliet" and read it out loud with great success. Indeed, most of the translation was carried out perfectly ... Always Yours, Const. Fedin*».

V. I. Nemirovich-Danchenko was looking forward to the translation of «Antony and Cleopatra», as he wished to stage his favorite play in the theater, and even developed

¹ P. I. Chagin (a real name Boldovkin) (on June 9, 1898 – on October 28, 1976) – the Soviet journalist, the publishing and party worker, the literary figure.

ло аншлагу, зал был почти полон, собралась вся писательская колония и много местной интеллигенции ... На этом вечере присутствовал и К. Федин, который с восторгом отозвался о мастерстве Пастернака-переводчика. На другой день он сообщил в письме к П. И. Чагину¹: *«Пастернак закончил перевод “Ромео и Джульетты” и читал его с большим успехом. Действительно, многое в нем сделано великолепно ... Ваш Конст. Федин».*

В. И. Немирович-Данченко с нетерпением ждал окончания перевода «Антония и Клеопатры», мечтал поставить свою любимую пьесу в театре, уже был составлен план театрализации. В издании газеты «Литература и жизнь» от 7 августа 1943 года было отмечено: *«Пастернак закончил перевод “Антония и Клеопатры”. Нам кажется, что это самый удачный из его переводов ... Он умеет передавать в словах дыхание живых людей, их движения, их непосредственные чувства. И именно поэтому так близок оказался ему Шекспир. Это больше, чем перевод. Это встреча поэта с поэтом».*

То, что Пастернак переводил Шекспира во время войны, было известно всем, а о стихах (сборник его стихов вышел только в 1943 году) знали немногие. Пастернака обвиняли в том, что в такое трагичное для народа время от ужаса окружающей жизни *«он прячется просто в Шекспира»*. Некий И. Мартынов пишет Асееву в Чистополь: *«Не хочется, конечно, обвинять Пастернака. Творчество я его всегда любил, поэт он редкий и настоящий ... Очень уж гневное, очень большое и трудное наше время для Ромео, а литература русская на редкость небогата».*

В годы Великой Отечественной войны Пастернак не мог отрешить себя от судьбы России и заниматься только переводами, это бы противоречило всем его жизненным принципам. Живя в Чистополе, Пастернак грезил о настоящей книге – серьезной прозе. Как-то на прогулке по городу он сказал Гладкову: *«Я мечтаю о драме в прозе, и почти бытовой, об изнанке войны ...»*, о прозе, задуманной в Чистополе. Замысел романа созрел мучительно долго.

Уже в первые месяцы войны Пастернак, пытаясь осмыслить «ход веков» русской истории, написал пьесу «В советском городе». Пастернак считал, что *«... пьеса будет попыткой обрисовки первых черт новоисторического типа и их возвеличивания, которые не уловлены советской литературой, то есть пьеса будет написана по-новому, свободно».*

В Чистополе не только изменилось содержание пьесы, но появилось другое «говорящее» название – «Этот свет». К сожалению, с этим произведением

¹ П. И. Чагин (настоящая фамилия Болдовкин) (9 июня 1898 – 28 октября 1976 г.) – советский журналист, издательский и партийный работник, литературный деятель.

a plan for this purpose. On August 7, 1943, it was noted in the newspaper «Literature and Life» that «Pasternak finished the translation of “Antony and Cleopatra”. *We think that this is the most successful of his translations ... He knows how to convey in words the breath of living people, their movements, their immediate feelings. And that is why Shakespeare turned out to be so close to him. This is more than a translation. This is a meeting of a poet with another poet*».

The fact that Pasternak translated Shakespeare's works during the war was well-known, but only few people knew that he also translated poems (the collection was released only in 1943). Pasternak was accused of «*hiding behind Shakespeare*» from the horror of life around him in such a tragic time for the people. Ivan Martynov writes to Aseyev, who is in Chistopol: «*Of course, I do not want to blame Pasternak. I have always enjoyed his creative work, he is a rare and a real poet ... However these days are too angry, too immense and difficult for Romeo, and Russian literature is remarkably uneventful*».

During the Great Patriotic War Pasternak could not separate himself from the fate of Russia, and performing only translations would be contrary to all the principles of his life. During his life in Chistopol, Pasternak dreamt of a real book – of serious prose. Once, on a walk through the city, he told Gladkov: «*I dream of drama in prose, and of almost everyday life during the war, of the the seamy side of war ...*». The idea of the novel matured for a painfully long time.

Already in the first months of the war Pasternak, trying to comprehend «the course of centuries» in Russian history, wrote the play «In the Soviet city». Pasternak believed that «*... the play will be an attempt to sketch the first features of the new historical type and their praise, which are not caught by the Soviet literature, that is, the play will be written in a new way and freely*».

The content of the play was changed in Chistopol, moreover here the play got a more «speaking» name – «This world». Unfortunately, this piece of work was not destined to be known to the wider audience. The play was destroyed by the author. Perhaps he did not accept it, relying on his artistic taste, perhaps, its listeners would have been horrified by its «dangerous» content, because it was written «in a new way and freely.» Life in the play is shown without embellishments and evasions. Only the third and fourth scenes of the first act have reached us in a relatively intact form, later voiced in the novel «Doctor Zhivago». The protagonists of the play are Gordon and Dudorov. Later, they will appear in the novel environment of Yuri Andreyevich Zhivago, the protagonist of the novel, which was not printed in Russia for more than 30 years for the same reasons of displaying freethinking. The author initially predicted that «*the piece would hardly be intended for publishing and for stage ... This gave me freedom once and for all ...*» (from letters of B. Pasternak to Yevgeniy Pasternak, September, 1942).

As for the novel «Doctor Zhivago», which is considered to be the peak of his creative work, Pasternak began to write it after the war, in 1945, and it took him ten

широкому кругу читателей не суждено было познакомиться. Пьеса была уничтожена самим автором. Возможно, он ее не принял, полагаясь на свой художественный вкус, возможно, слушатели пришли в ужас от ее «опасного» содержания, поскольку написана она была «по-новому, свободно». Жизнь в ней показана без приукрашиваний и уверток. В относительно сохранным виде дошли до нас только третья и четвертая сцены первого действия, впоследствии прозвучавшие в романе «Доктор Живаго». Главные действующие лица пьесы – Гордон и Дудоров. Позже им предстоит войти в романное окружение Юрия Андреевича Живаго, главного героя романа, который не печатался на родине более 30 лет по тем же причинам свободомыслия. Автор уже изначально предрекал, что *«вещь едва ли будет предназначена для печатания и постановки. Это окончательно развязало мне руки ... Я решил не стеснять себя размерами и соображениями циничности и писать не заказную пьесу для современного театра, а нечто свое, очередное и важное для меня ...»* (из писем Б. Пастернака Евгению Пастернаку, сентябрь, 1942 г.).

Сам роман «Доктор Живаго», который является вершиной его творчества, Пастернак начал писать уже после войны. Это заняло у него 10 лет, но наброски и черновые варианты романа готовились в Чистополе. Прототипами главных героев этого уникального произведения стали именно чистопольцы, даже описание домов, улиц, пейзажей Пастернак «срисовывал» с города. Казалось, что в произведении описан даже дом, в котором он проживал в Чистополе: *«Этот домик с примыкающим к нему палисадником находился в черной, запущенной части парка со старой полукруглою аллеей въезда. Аллея густо заросла травой ...»*.

Уникальные истории хозяина квартиры Василия Вавилова, человека простодушного и общительного, участника Гражданской войны, очень помогли Пастернаку в создании многих сюжетов произведения. Татарские имена и фамилии (Осип Гимазетдинович Галлиулин, белый генерал, дворник Гимазетдин, его сын Юсуп), которые встречаются в романе, вовсе не случайны – они взяты из рассказов Василия Вавилова и воспоминаний чистопольцев, тоже участников Гражданской войны. В предисловии ко второму изданию романа в книжном варианте (издательство «Книжная палата», 1989), написанному Евгением Борисович Пастернаком, отмечается, что в процессе работы, особенно над второй книгой, автор использовал собственные фольклорные записи, которые вел еще в Чистополе в 1942 году.

В названии романа «Доктор Живаго» звучание слова «доктор» наводит на мысль о знакомстве и дружбе Пастернака с чистопольским доктором Д. Д. Авдеевым. Этимология заголовка романа и имени главного героя – темы отдельных исследований, поскольку изначально предполагались автором другие варианты названий: «Смерти не будет», «Иннокентий Дудоров», «Мальчики и девочки», «Рыньва». И только весной 1948 года он, наконец, находит точное и ёмкое на-

years to create it, but the sketches and drafts of the novel had been prepared in Chistopol. The prototypes of the main characters of this unique novel are the citizens of Chistopol, and even the description of houses, streets, landscapes were «copied» by Pasternak from the city. It seems that the novel even describes the house in Chistopol where he lived: *«This is a house with an adjoined front garden that was located in a black desolated part of the park with an old semicircular alley entrance. They alley was fully covered with grass ...»*.

The unique stories told by the landlord, Vasily Vavilov, a naive and sociable person, a soldier of the Civil War, were of great help to the creation of many storylines in the novel. The first and the last Tatar names (Osip Gimazetdinovich Galliulin, white general, janitor Gimazetdinov, his son Yusup) that appear in the novel are not accidental – they are taken from the stories of Vasily Vavilov and memories of the citizens of Chistopol, also members of the Civil War.

In the preface to the second edition of the novel published as a book (the publishing house «Book Chamber», 1989), Eugeny Borisovich notes that in the course of his work, particularly on the second book, the author used his personal folk records made in Chistopol in 1942.

The sound of the word «doctor» in the title of the novel «Doctor Zhivago» reminds of Pasternak's familiarity and friendship with a Chistopol doctor, D. D. Avdeev. The etymology of the novel's title and the name of the protagonist should be covered by separate research studies, as originally the author intended to use other titles: «There will be no death», «Innocentiy Dudorov», «Boys and girls», «Ryn'va». And only in the spring of 1948, he finally finds a precise and capacious title – «Doctor Zhivago.» It is believed that the prototype of Doctor Zhivago was Dmitry Dmitrievich Avdeev. D. Avdeev's profession was a godsend for the novel, which in itself makes it's carrier an independent person, who is beyond social disturbances, who is necessary and useful to people, but at the same time, turns into a helpless tool in the hands of any violent authority. Dmitry Avdeev's personality, as well as the character of Yury Andreyevich Zhivago reflects the morality of the author himself: *«You cannot be a villain to others, not being a villain to oneself. Villainy is universal. The perpetrator of love for one's neighbor is the first person who betrays himself»*.

Dmitry Dmitrievich Avdeev witnessed and participated in the crucial years of the Revolution, the Civil War, he was a contemporary of the time reflected in the novel (1903–1945). Being the bearer of the best traditions of pre-revolutionary Russia, he carried out the same mission as the novel's protagonist: he saved people, regardless of their ideological principles.

The citizens of Chistopol still remember D. D. Avdeev, a physician, who was well-known and respected in the city (The old orthodox cemetery, where the necropolis of the Avdeev family is located, is now called «Avdeevskoye»). He was a doctor from God. D. D. Avdeev was born in 1879 into a family of a merchant of the second guild, and was educated at the University of Tomsk in pre-revolutionary Russia.

звание – «Доктор Живаго». Есть мнение, что прототипом доктора Живаго все же был Дмитрий Дмитриевич Авдеев. Находкой для романа стала профессия Д. Авдеева, которая уже сама по себе делает ее носителя независимым, стоящим над социальными бурями, нужным и полезным людям, но вместе с тем превращает в беззащитный инструмент в руках любой насильственной власти. Личность Дмитрия Дмитриевича Авдеева, как и личность Юрия Андреевича Живаго, отражает нравственную установку самого автора: *«Нельзя быть злодеем другим, не будучи и для себя негодяем. Подлость универсальна. Нарушитель любви к ближнему первым из людей предает самого себя»*.

Дмитрий Дмитриевич Авдеев был свидетелем и участником переломных революционных лет, Гражданской войны, он был ровесником времени, отраженном в романе (1903–1945 гг.). Будучи носителем лучших традиций дореволюционной России, выполнял ту же миссию, что и главный герой произведения: спасал людей, вне зависимости от их идеологических принципов.

Личность известного и почитаемого в городе и районе врача Д. Д. Авдеева до сих пор памятна чистопольцам: старое православное кладбище, где находится семейный некрополь Авдеевых, ныне названо «Авдеевским». Это был доктор от Бога. Д. Д. Авдеев родился в 1879 году в семье купца второй гильдии и получил образование в Томском университете в дореволюционной России. Он, уважаемый опытнейший специалист-универсал, обладавший обширными знаниями, бравшийся за самые сложные случаи во врачебной практике, проявлял подлинный интерес к литературе и искусству. В записных книжках А. Фадеева есть заметка о А. П. Чехове, где говорится: *«Не могу я с интересом читать про чеховских интеллигентов, если я знаю такого врача, как чистопольский Дмитрий Дмитриевич Авдеев, который в невыносимых условиях лет сорок работал среди чистопольских крестьян-татар, большой, красивый, сильный человек, который так далек по незаурядной биографии своей, по могучей индивидуальности своей от чеховских “героев”, как король Лир от Чебуыркина»*.

Духовную и психологическую поддержку Пастернаку давала дружба с этим уникальным человеком, дом которого стал своего рода литературным салоном. «Особенностью всех Авдеевых была влюбленность в искусство. «Все писатели, художники, артисты, волею судьбы оказавшись в Чистополе, были желанными гостями этой замечательной семьи, – вспоминает Н. Федина¹. – Двери их дома всегда были открыты». Они всегда были желанными гостями этого замечательного дома, где всегда был свет, тепло, уют, горячий чай и угощение.

¹ Н. К. Федина – жена К. А. Фешина, эвакуировавшегося вместе с союзом писателей в Чистополь в 1941 г.

Being a respected universal specialist with extensive knowledge, who tackled the most difficult cases in medical practice, he showed genuine interest in literature and art. There is a note about A. P. Chehov in Fadeyev's notebooks, which says: *«I cannot read with interest about the intelligentsia in Chekhov's novels, as I know a doctor such as Dmitry Avdeev from Chistopol, who spent forty years among Tatar peasants from Chistopol under unbearable conditions, who was a heavy, handsome, strong man, and, who judging by his outstanding biography and his powerful personality, is as far from Chekhov's "heroes", as King Lear from Chebutyrkin».*

Friendship with this unique man, Dmitry Avdeev, gave Pasternak spiritual and psychological support, his house being a sort of literary salon. *«A feature of all Avdeevs was being in love with art. All the writers, artists, actors, who by a twist of fate ended up in Chistopol, were welcome in this wonderful family, – recalls N. Fedina¹. – The doors of their house were always open».* They have always been welcome visitors in this wonderful house, always full of light, warmth, comfort, hot tea and treats.

It was here, in the living room of Avdeevs, where many works that later became widely known and loved were heard. The completed translation of «Antony and Cleopatra» was also read by Pasternak in the house of Avdeevs.

Dr. Avdeev had two sons – Arseny and Valery. The younger son, Valery, was a scientist, a biologist, before the war, he worked as a director of the Chistopol Local History Museum, then – as head of the department of natural science and geography at the Teacher Training Institute, during the World War he became a member of Tatgeologotrest. His hobbies were painting and photography. Thus, understanding all the importance and rarity of the fact that famous «Moscow Chistopol citizens» were present in our humble provincial town, he painted several portraits and made unique photos of writers. One of his works is a portrait of Pasternak, an oil painting. After the death of Valery Dmitrievich Avdeev, this portrait was donated by a proxy to Yevgeny Borisovich Pasternak, the poet's son.

Valery Dmitrievich became a very close friend of Pasternak, who was very open with him. *«I cannot forget you and everything around you»*, – writes Boris Pasternak. After the writer's departure from Chistopol his friendship with Avdeev continued: he gave him his manuscripts, books, sent new editions of autographed copied books.

Pasternak expressed all his gratitude and a «lively thank you» for all the comfort in his society verses dedicated to V. D. Avdeev. It is written with the sincerity that has always distinguished the poet, with the warmth that he felt towards one of the favorite meeting places of writers in Chistopol (translation of the poem (page 42) into English was not found. Probably, does not exist).

¹ N. K. Fedina – K. A. Fedin's wife who was evacuated together with the Union of writers to Chistopol in 1941.

Именно здесь, в гостинной Авдеевых, впервые прозвучали многие произведения, которые впоследствии стали широко известны и любимы. Законченный перевод «Антония и Клеопатры» Пастернак также впервые прочел в доме Авдеевых.

У доктора Авдеева было два сына Арсений и Валерий. Младший сын, Валерий Дмитриевич, был ученым-биологом, до войны работал директором чистопольского краеведческого музея, затем — заведующим кафедрой естествознания и географии в Учительском институте в Чистополе, в годы войны стал сотрудником Татгеологотреста. Благодаря его увлечению (живопись, фотографии) и пониманию важности и редкости момента присутствия в скромном провинциальном городе именитых «московских чистопольцев», были выполнены несколько живописных портретов и уникальнейшие фотографии литераторов. Среди его работ есть и портрет Пастернака, написанный масляными красками. После смерти Валерия Дмитриевича Авдеева этот портрет был подарен через доверенное лицо Евгению Борисовичу Пастернаку.

Валерий Дмитриевич стал очень близким человеком для Пастернака, который был с ним чрезвычайно открыт. «Я не могу забыть Вас и Всего вокруг Вас», — пишет ему Б. Пастернак. После отъезда писателя из Чистополя дружба его с Авдеевыми продолжалась: он дарил им свои рукописи, книги, присылал новые издания книг с автографами.

Всю свою благодарность и «живейшее спасибо» за уют Пастернак выразил в своем альбомном стихотворении В. Д. Авдееву. Оно было написано с той искренностью, которая всегда отличала поэта, с той теплотой, которую питал он к одному из излюбленных мест встреч писателей в Чистополе:

*«... Каким тогда я буду старым!
Как мне покажется далек
Ваш дом, нас обдававший жаром,
Как разожженный камелек.
Я вспомню длинный стол и залу,
Где в мягких креслах у конца
Таланты братьев завершала
Усмешка умного отца.
И дни Авдеевских салонов,
Где, лучшие среди живых,
Читали Федин и Леонов,
Тренев, Асеев, Петровых.
Забудьте наши перегибы,
И, чтоб полней загладить грех,
Мое живейшее спасибо
За весь тот год, за нас за всех ...»*

Pasternak wrote a remarkable poem about the proximity of Chistopol to the place of death of Tsvetaeva in V. Avdeev's album:

*«I will approach the tumulus
And raise my voice in her defense ...»*

After the war, it was V. Avdeev whom Pasternak asks to search for Tsvetaeva's grave in Yelabuga. He confessed that he had always missed Marina in Chistopol. Living in the city on the Kama river, Pasternak thought a lot about her, but more with a sense of guilt. Boris Leonidovich used to confess that he often reminisced over her when he was looking at the Kama river from the shore. He used to say: *«I loved her and now I regret that I was not looking for opportunities to express my love as often as she must have needed it»*. Shocked by the tragic news, on September 9, 1941 Pasternak wrote to his wife who lived in Chistopol: *«Last night K. Fedin told me that Marina had supposedly committed suicide. I do not want to believe in it ... I will never be forgiven ... for many reasons I walked away from her and did not want to inflict my company upon her, but during the past year I forgot about her entirely. Alas! It is terrible»*.

Upon learning of Marina Tsvetaeva's death, for a long time Boris Pasternak could not believe that she was no longer alive. He was sure that she would have survived in Chistopol: *«... at least there are writers here, and some kind of cultural events, there are even musical evenings, and doctors ...»*. According to Pasternak it was Aseev who turned down Tsvetaeva's request to be employed as a dishwasher in the dining room at the Writers' house. He reproached himself for failing to do anything to leave Tsvetaeva in Chistopol, especially considering that he knew how great her desire to stay here was. He used to say that when he looked at the barges frozen into the Kama river, he would remember Marina Tsvetaeva who had told somebody before she left that she *«would rather be frozen in the ice of the Kama river in Chistopol than leave ...»*. The inability to help Tsvetaeva depressed him. *«We did not do anything, consoling ourselves with the thought that we were very helpless. Oh, it is sometimes very easy – to feel helpless. The state and us! It can do everything and we can do nothing ...»*, – he wrote to Gladkov.

Pasternak was connected to Tsvetaeva via correspondence that lasted a number of years, the «affinity of souls», he supported her after her return to Russia, highly praised her talent and maybe he was one of the few who understood the extent of the loss, and he prepared himself for a long time to write about her. He confessed that he *«restrained himself to save the strength worthy of the topic, that is of Marina»*. Chistopol helped him in it. It was here that he started a cycle of poems dedicated to Marina Tsvetaeva, comprised of two poems:

*« ... In such weather, I dream of a volume
On the beauties of Earth in our age,
And I draw an imp of the forest*

В альбом В. Авдееву Пастернак написал и знаменательное стихотворение о близости Чистополя и места гибели Цветаевой:

*«... Когда кривляться станет ни к чему.
И даже правда будет позабыта,
Я подойду к могильному холму ...»*

После войны Пастернак просит именно Авдеева поискать в Елабуге могилу Марины Цветаевой, по его признанию, ему всегда не хватало ее в Чистополе. Проживая в городе на Каме, Пастернак много думал о ней, но больше с чувством вины. Борис Леонидович признавался, что часто вспоминает ее, глядя на Каму с берега. Он говорил: *«Я любил ее и теперь сожалею, что не искал случаев высказывать это так часто, как ей это, может быть, было нужно»*. Потрясенный трагическим известием, Б. Пастернак 9 сентября 1941 года писал жене в Чистополь: *«Вчера ночью К. Федин сказал мне, будто с собой покончила Марина. Я не хочу верить этому ... Это никогда не простится мне ... по многим причинам я отошел от нее и не навязывался, а в последний год и совсем забыл. И вот тебе! Как это страшно»*.

Узнав о гибели Марины Цветаевой, Борис Пастернак долгое время не мог поверить, что ее нет. Он был уверен, что в Чистополе она бы выжила: *«... здесь все-таки и писатели, и какая-никакая культура, вон даже музыкальные вечера устраивают, и врачи есть ...»*. По его мнению, что именно Асеев отказал Цветаевой в получении должности посудомойки в писательской столовой при Доме писателей. Он корил себя за то, что ничего тогда не предпринял для того, чтобы оставить Цветаеву в Чистополе, тем более он знал, как велико было ее желание остаться здесь. Он говорил, что, когда он смотрел на вмерзшие в Каму барки, всегда вспоминал Марину Цветаеву, которая перед отъездом отсюда сказала кому-то, что она «предпочла бы вмерзнуть в Чистополе в лед Камы, чем уезжать ...». Невозможность помочь Цветаевой угнетала его. *«Мы ничего не сделали, утешая себя тем, что были очень беспомощны. О, это иногда бывает очень удобно – чувствовать себя беспомощным. Государство и мы! Оно может все, а мы ничего ...»*, – писал он Гладкову.

Связанный с М. Цветаевой годами переписки, «родством душ», поддерживавший ее после возвращения в Россию, высоко ценивший ее талант и, может быть, один из очень немногих по-настоящему понимавший величину потери, он долго готовился к тому, чтобы написать о ней, и, по собственному признанию, *«сдерживал себя, чтобы накопить силу, достойную темы, то есть ее, Марины»*.

*Just for you on the title-page.
 Oh, Marina, I'd find it no burden,
 And the time has been long overdue:
 Your sad clay should be brought from Yelabuga
 By a requiem written for you.
 All the triumph of your homecoming
 I considered last year in a place
 Near a snow-covered bend in the river
 Where boats winter, locked in the ice ...»*

«In Memory of Marina Tsvetaeva», 1942

On June 25, 1943 Boris Pasternak said his final goodbye to Chistopol and went off to war. Chistopol stayed in his heart forever. He himself understood how important the touch of the Russian province was for him as a poet. He missed the «godforsaken town» and all those who were there with him for a long time. He often wrote about this in his letters to V. D. Avdeev: *«As everyone has departed Chistopol, and we will probably not be alive when a new war starts, there seems to be no apparent reason to think about a trip to your city. Meanwhile, especially because I do not cherish the present Moscow ... vividly and with all my heart I really only want to be in Chistopol and Oxford».*

For some people Chistopol remained a bitter exile, but for Pasternak Chistopol meant returning to real life, it was the starting point in understanding himself. Already in Chistopol it was clear that Pasternak differed from many writers. The following extract is taken from a letter of A. K. Gladkov to his brother: *«... Boris Leonidovich was out of competition when it came to nobility, straightforwardness, and easiness towards many hardships. He came across as a grand and handsome man ...».*

Due to the stay in a simple provincial town, Boris Pasternak managed to keep the voice of conscience and inner freedom that were lost by many of his fellow writers voluntarily or involuntarily, and, most importantly, he was able to maintain and strengthen his moral position that eliminated any compromises. This phase of his life served as a reminder of his mission – to serve the truth, in spite of everything and not to be unfaithful to it, to inform people about the need of atonement, redemption in this terrible war, which Pasternak considered retaliation and retribution for lying (translation of the poem (page 48) into English was not found. Probably, does not exist).

Pasternak understood that it was necessary to rethink the war, to go to a new level of awareness, *«... after people became battle-tested and saw death, looked into the eyes of danger, have been on the edge of the abyss, one cannot keep them in the same foolish desolate and mandatory puff, which is not only in the interest of the authorities, but also agrees with those writers, who are mostly ungifted and creatively weak people ... people are born, grow up and live not for this purpose».* But changes in people's minds were much slower than the great poet wanted.

Чистополь в этом ему помог. Именно здесь он начал цикл стихов, посвященных памяти Марины Цветаевой:

*«... Мне в ненастии мерещится книга
О земле и ее красоте.
Я рисую лесную шишигу
Для тебя на заглавном листе.
Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.
Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году
Над снегами пустынного плеса,
Где зимуют баркасы во льду ...»*

«Памяти Марины Цветаевой», 1942 г.

25 июня 1943 года Б. Пастернак окончательно распростился с Чистополем и отбыл на фронт. Чистополь вошел в его жизнь навсегда. Он и сам прекрасно понимал, какое значение для него, поэта, имеет прикосновение к российской глубинке. Долго он скучал по этому «захолустному городку» и всем, кто все это время с ним был рядом. Об этом он часто писал в письмах В. Д. Авдееву: *«Так как теперь из Чистополя все разъехались, а до новой войны мы, наверное, не доживем, то, как будто нет видимых причин думать о поездке в Ваш город. Между тем, и в особенности потому, что я не дорожу нынешней Москвой ... Живю и непосредственно всей душой мне, собственно, только хочется в Чистополь и Оксфорд».*

Для кого-то Чистополь так и остался горьким изгнанием, а для Пастернака – возвращением к подлинной жизни, точкой отсчета в понимании самого себя. Надо сказать, уже в Чистополе Пастернак ярко отличался от многих писателей. Из письма А. К. Гладкова брату: *«... Борис Леонидович был вне конкурса по благородству, прямодушию, доброжелательству и легкости отношения ко многим лишениям. Он показал себя ... большим и красивым человеком ...».*

Благодаря пребыванию в простом провинциальном городе Борису Пастернаку удалось сохранить голос совести и внутреннюю свободу, потерянные вольно или невольно многими собратьями по перу, и, главное, удалось сохранить и укрепить нравственную позицию, исключавшую какие-либо компромиссы. Этот этап его жизни послужил напоминанием о его миссии – служить истине, несмотря ни на что, и не изменять ей, донести людям мысль о необходимом

Литературно-мемориальный музей «Дом учителя»
Literature and Memorial Museum «House of Teachers»

Дом Д. Д. Авдеева (г. Чистополь, ул. К. Маркса, 76)
House of D. D. Avdeev (Chistopol, K. Marx Str., 76)

очищении, искуплении в этой страшной войне, которую Пастернак считал возмездием и расплатой за ложь.

*«... И я припомню страшную войну,
Народу возвратившую оружие,
И старое перебирать начну,
И городок на Каме обнаружу.
Я с палубы увижу огоньки,
И даль в снегу, и отмели под сплавом,
И домики на берегу реки,
Задумавшейся перед рекоставом.
И в тот же вечер разыщу семью
Под каланчою в каменном подвале,
И на зиму свой труд обосную
В той комнате, где Вы потом бывали.
Когда же безутешно на дворе
И дни всего короче и печальней,
На общем выступлении в ноябре
Ошанин познакомит нас в читальне ...»*

*(отр. «Грядущее на все изменит взгляд»,
1942, Чистополь)*

Пастернак понимал, что необходимо переосмыслить войну, выйти на новую ступень осознания: «... нельзя после того, как люди нюхнули порошу и смерти, посмотрели в глаза опасности, прошли по краю бездны, выдержать их на той же глупой безотрадной и обязательной малосодержательности, которая не только на руку власти, но и по душе самим пишущим, людям в большинстве неталантливым и творчески слабосильным ... не для этого люди рождались, росли и жили». Но перемены в головах людей шли гораздо медленнее, нежели хотелось великому поэту.

В. Д. Авдеев. Портрет Б. Пастернака. Чистополь. 1942—1943 гг.
Portrait of B. Pasternak by V. D. Avdeev. Chistopol. 1942—1943

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Б. ПАСТЕРНАКА

Эти годы незабываемых военных лет, проведенных Б. Л. Пастернаком в городе Чистополе, удалось увековечить в год столетия его рождения 10 февраля 1990 года открытием мемориального музея в доме, где он жил – по ул. Володарского № 75 (ныне ул. Ленина № 84). Это первый государственный музей Б. Пастернака в России, где выставлены его личные вещи, сохраненные жителями города. Мемориальный музей Б. Пастернака является структурным подразделением МБУК «Музейное объединение г. Чистополя».

Этот небольшой дом, представляющий собой пример усадьбы застройки, является памятником архитектуры конца XIX – начала XX веков. На момент эвакуации Пастернака здесь жила семья Василия Андреевича Вавилова.

Семья Вавиловых занимала большую комнату с окнами во двор, а в маленькой угловой, с одним окном, выходящим на улицу, и видом на городской парк, поселился поэт.

«Я снова рассматриваю комнату ... Она средней величины и неважно побелена. Посредине стены идет бордюр с черными и красными птицами. Рабочий стол Бориса Леонидовича и несколько стульев. В углу подобие шкафчика. Очень неудобно, но довольно светло ... На столе чернильница, куча карандашей, лезвия для бритвы, стопка старых писем ...», – читаем у А. Гладкова («Встречи с Пастернаком»).

В комнате Пастернака было относительно холодно и осенними вечерами не хватало света, о чем свидетельствует его письмо в Чистопольский городской комитет ВКП(б).

С тех пор дом практически не изменился и сохранил «пастернаковский» вид. Вход в дом со двора, деревянная лестница со скрипучими ступеньками, под слегка прихрамывающей походкой поэта, которую он скрывал, и тот вид в прихожую из открытой двери на втором этаже сохранили атмосферу тех военных лет.

Из личных вещей Бориса Леонидовича в музее представлены чернильница и подстаканник. Это пальто и валенки мы видим и на многих его фотографиях.

Музей полностью отражает не только настроение и характер поэта, здесь сохранены даже самые незначительные детали быта. Он хранит в себе дух необыкновенного человека, поэта-гражданина, так остро чувствовавшего свое время.

THE MEMORIAL MUSEUM OF B. PASTERNAK

These unforgettable years of war during which B. L. Pasternak stayed in Chistopol were perpetuated on the 100th anniversary of his birth, on February 10, 1990, by the opening of a memorial museum in the house where he lived – on Volodarsky Str. No. 75 (now Lenin Str. No. 84). This is the first state museum of Pasternak in Russia, which displays his personal belongings saved by the residents. Memorial Museum of B. Pasternak is a subdivision of MBUK «Museum Association of Chistopol».

This small house, which is an example of a mansion, is an architectural monument of the late XIX – early XX century. At the time of Pasternak's evacuation, Vasily Andreevich Vavilov's family lived here.

The family occupied a large room with windows facing the courtyard, and the poet lived in a small corner room with a window facing the street, overlooking the city park.

«I examine the room again ... It is a middle-sized poorly whitewashed room. There is a trimming with black and red birds on it in the middle of the wall. There is Boris Leonidovich's desk and a few chairs. There is a sort of locker in the corner. It is very uncomfortable, but fairly light ... There is an inkwell on the table, a lot of pencils, razor blades, a stack of old letters ...» (A. Gladkov «Meetings with Pasternak»).

It was relatively cold in Pasternak's room and there was not enough light on autumn evenings, as evidenced by his letter to the Chistopol city committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks.

Since then, the house has not changed and saved the «Pasternak» appearance. The entrance from the yard, a wooden staircase with stairs, creaking beneath the poet's slightly limping pace, which he tried to hide, and the view from the open door on the hall on the second floor have preserved the atmosphere of the war.

As for personal belongings of Boris Leonidovich, an inkwell and a cup holder are presented in the museum. This overcoat and boots are seen in many of his photographs.

The museum does not only fully reflect the mood and character of the poet. Even the smallest details of everyday life, in which Pasternak lived and worked, have been saved here. They keep the spirit of an extraordinary man, a poet-citizen, so acutely aware of his time.

Рус

Пастернак в Чистополе 20 июня 1943 г. (фото В. Д. Авдеева)
Pasternak in Chistopol. June 20, 1943 (photo by V. D. Avdeev)

Мемориальный музей Бориса Пастернака. г. Чистополь
Memorial Museum of Boris Pasternak. Chistopol

Семья Вавиловых — хозяев дома, где жил Б. Л. Пастернак
(из фондов мемориального музея г.Чистополь)
Vavilov's family — owners of the house where B. L. Pasternak lived
(from the collections of Memorial Museum in Chistopol)

В Чистопольский городской ВКП(б)
 тов. М. М. Сагееву

Пусть поскорей к Вам эти строки
 Мамин Максимович, летят.
 Скупы дневного света сроки,
 Мне страшен дней ноябрьских ра
 По вечерам сижу без света
 Когда работа на уле.
 Прошу Вас вырвать поэта —

Письмо в Чистопольский городской комитет ВКП(б) Б. Л. Пастернака
 (из фондов мемориального музея г. Чистополя)

Letter to the Chistopol city committee of the All-Union Communist
 Party of Bolsheviks by B. L. Pasternak
 (from the collections of the Chistopol Memorial Museum)

Комната Пастернака
Pasternak's room

Вход в дом Вавиловых со двора
(г.Чистополь)
Entrance to the house
of the Vavilovs from the courtyard
(the city of Chistopol)

Прихожая квартиры, в которой жил
Б. Пастернак (г. Чистополь)
The hallway of the apartment
where Pasternak lived
(the city of Chistopol)

**Зинаида Николаевна Нейгауз
и Борис Леонидович Пастернак с сыном Лёней. 1948 г.
(из фондов мемориального музея г. Чистополь)**

Family photo of B. L. Pasternak. Zinaida Nikolayevna Neuhaus
and Boris Leonidovich Pasternak with their son Lenya. 1948
(from the collections of the Chistopol Memorial Museum)

Б. Л. Пастернак
B. L. Pasternak's photo

**Пальто и валенки,
в которых Б. Пастернак запечатлен
на многих фотографиях**

The coat and felt boots in which
Pasternak is depicted in many
photos

«ДОКТОР ЖИВАГО» КАК ФОРМА ЭНТЕЛЕХИИ

Ученый, философ, поэт, инженер, священник — все это ипостаси личности, достигшей уровня энтелехии (состояния полной осуществленности) или пребывания. Сделать имя в одной из областей обширного круга бытия человеческого рода означает его умножение, развитие. Утрата каждой личности, ее смерть несет в себе умаление бытия. Поэтому, память о личности, освоение ее дела выступает заботой об укреплении бытия, делом восстановления круга бытия как целостности. Наиболее полно проблематика энтелехии или самоосуществления человеком себя проявляется в истории, где каждое поколение создает свою форму пребывания, свою телеономную, то есть целеустремленную сферу жизни, которая, между тем, для последующих поколений выступает как превращенная форма. По С. Н. Булгакову, история, пронизана способностью к новому творчеству, ибо она всегда нечто индивидуальное в противоположность типическому. История носит незакономерный, *логично-алогичный характер*¹. Историческая наука изучает конкретные формы политических, экономических, социокультурных событий, располагая их как последовательные ступени одного процесса, но, можно утверждать, что научное обществоведение улавливает лишь одну обналичившуюся сторону бытия человеческого рода. Оно познает лишь тенденции, а не исход.

Выход на проблематику исхода, а следовательно, промысла исторического бытия определяет метафизику истории, открывает возможность «построить философию истории и эсхатологию и становится возможным Апокалипсис, откровение не только о прошлом, но и о грядущем»².

В масштабе каждой жизни есть свой апокалипсис и эсхатология (религиозное учение о конечных судьбах мира и человека), поэтому мы не можем, то есть не должны упрекать наши предшествующие поколения за революции XX века за большевизм, ибо, на наш взгляд, они его искупили трагедией Гражданской войны, коллективизации и индустриализации, в огне Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Сравнивая социальный и исторический смыслы событий, можно сказать, что социальное мстительно относительно исторического, ибо не приемлет имеющего место в исторических событиях преображения, явления метанойи (или раскаяния), мгновенной перемены ума и самого строя бытия людей в ситуации напряженной рефлексии над конкретными проблемами своего бытия.

Отчасти апокалипсис истории и личности разрешается в культуре, в произведении. «Субъект — Личность — Автор» воплощается в тексте. По нему его идентифицируют, и он сам соизмеряет себя с тем, что создал. Разрешение личности в пространстве социума и времени истории трагедийно.

¹ Булгаков С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. Т. 1. — М.: Наука, 1993. — С. 138–139.

² Там же. С. 228–233.

«DOCTOR ZHIVAGO» AS A FORM OF ENTELECHY

A scholar, philosopher, poet, engineer, priest – all of these hypostases of a personality who has reached the level of entelechy (a state of full implementation). Making a name in one of the areas of the vast range of types of existences of human beings is its multiplication and development. A loss of any individual, his death brings derogation of beingness. Therefore, memories about a person, acquisition of the personality's achievements functions as strengthening the beingness itself, restoring the circle of life as a whole. The problematics of entelechy or self fulfillment of a personality finds its complete implementation in history, where every generation creates its own form of entelechy, his teleonomic, i.e., purposeful sphere of life, which, in the meantime, for the next generation appears as a converted form. S. N. Bulgakov argues that history is imbued with the capacity for new creativity, because it is always something individual, which is opposed to typical¹. History is sporadic, logical-illogical by nature. History studies specific forms of political, economic, socio-cultural events, placing them as successive stages of the process, but it can be argued that the scientific social science grasps only one side of existence of the human race. i.e. the implemented one. It perceives only the trend, not the outcome.

Approaching the problematics of outcome and, consequently, the aim of historical existence defines the metaphysics of history, provides an opportunity to «build a philosophy of history and eschatology, and makes possible the Apocalypse, revelation, not only about the past but about the future»².

In each life there is its own Apocalypse and eschatology (religious teaching about the ultimate fate of the world and man), that is why we cannot, that is, we should not blame our previous generation for the revolutions of the twentieth century, for the Bolshevism, because, in our opinion, it was redeemed with the tragedy of the Civil War, collectivization and industrialization, in the fire of the Second World War (1939–1945). Comparing the social and historical significance of the events, we can say that social is vindictive to the historical, the social does not accept transformation, the phenomenon of metanoia (or repentance), the instantaneous change of mind and the system of people's beingness in a situation of intense reflection on the specific problems of their existence. All this is common to the historical only.

Partially Apocalypse of history and identity is allowed in culture, in a work of art. «Subject – Person – Author» is embodied in a text. He is identified based on his work, and he measures himself against what he created. The range of allowance of an individual in space of a society and history is tragic.

¹ Bulgakov S. N. The philosophy of management / S. N. Bulgakov. Vol. 1. – M. : Science, 1993. – P. 138–139.

² Op. cit. P. 228–233.

Идея произведения – это идея спасения, ход против времени в вечность. Культура воспринимается человеком как область сотерологии или спасения. В целом, вероятно, произведение – это образ смерти автора на определенном этапе своей жизни, опыт сосредоточения и воплощения, доведение жизни до вершины, где возможно идентифицироваться для себя и других. После произведения жизнь приобретает иное измерение и размеренность, требующую своего усиления, своего освоения и воплощения.

В философско-культурологической концепции В. С. Библера культура есть область создания и восприятия произведений, выступающих инструментами, предназначенными для общения людей в рамках конкретного социума. В частности, произведения обладают следующими чертами: «а) трансляцией в «результат» деятельности самого субъекта этой деятельности, именно как неповторимого индивида, живущего в горизонте личности»; б) обращенностью к другому «Я» как мне насущному «Ты», бесконечно отдельному от меня (иному бытию, иной всеобщности) и одновременно – сформированному в моем сознании, в моем мышлении; в) произведение есть кристаллизованная форма конкретного общения людей, обладающая собственной плотностью, что дает возможность отражать общение в недра сознания; г) в произведении мир впервые производится (изобретается) из меня, из «плоти» холста, из речи философского диалога ... Бытие в произведении всегда является точкой обращения к будущему; д) произведение всегда абсолютно завершено и замкнуто и вместе с тем открыто тому бесконечно-различному довершению, которое создает, доводит до замкнутого круга только зритель, читатель, слушатель, собеседник, то есть тот на кого и рассчитано само произведение¹.

Произведение есть миф жизни, ее принцип и центр, сверяясь с которым он может выстроить жизнь как свободное пребывание. Яркий пример пребывания рисует в своем романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак. Сам роман, больше «форма мышления о двадцатых через призму пятидесятых». Он выстроен по А. М. Пятигорскому так, как будто «если бы он сам (Б. Пастернак) умер в конце двадцатых», ибо временем со смыслом были для поколения Б. Пастернака как раз двадцатые. Тридцатые уже поле деятельности Воланда М. А. Булгакова, где все гротеск, и единственным островом смысла является сумасшедший дом. Итак, Юрий Живаго – это свидетель, в жизни которого не происходило ничего, а только случались провалы. Именно направленность к смыслу, к истине, позволяет ему не закружиться в вихре революции, гражданской войны. Секрет жизни Ю. Живаго – «смыслы проходили через него», у него нет мировоззрения, поскольку оно подразумевает отражение смыслов, ситуацию, когда смыслы не проходят через личность субъекта. «В мировоззрении смыслы, отражаясь, теряют свою вещность, но не приобретают личностность».

¹ Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в XX в. / В. С. Библер. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – С. 401–402.

The idea of a piece of art is the idea of salvation, moving against time to eternity. Culture is viewed by humans as an area of soteriology or salvation. In general, a piece of work is, probably, representation of the author's death at some stage of his life, the experience of concentration and embodiment, bringing life to the top, where it is possible to identify oneself for oneself and others. After creating a piece of art, life acquires different dimensions and regularity, requiring efforts, absorption and implementation.

The philosophical and cultural conception of V. S. Bibler views culture as an area of creation and perception of products, used as instruments designed for communication between people within a certain society. In particular, pieces of art are characterized by the following: «a) implementation of a personality as a subject of his activity, as a unique individual who lives within the horizons of the individuality, into the «result» of his activities»; b) addressing the other «I» as the essential «you», infinitely separated from me (another kind of being, a commonality), and at the same time – formed in my mind, in my thinking; c) a piece of art is a crystallized form of some specific communication between people, it has its own density, which makes it possible to reflect communication in the depths of consciousness; d) in a piece of art, the world is made (invented) for the first time from me, from the «flesh» of a canvas, from the speech of a philosophical dialogue ... Beingness in a piece of art is always a point of referring to the future; e) a piece of art is always completely finished and closed and at the same time, open to the infinitely different ending, which is created, brought to the vicious circle by a spectator, a reader, a listener, a co-speaker himself, i.e. by the one whom the artwork is designed for¹.

A piece of art is a myth of life, its principle and center, checking against which he can build a life as a free entelechy. A vivid example of an entelechy is depicted by B. Pasternak in his novel «Doctor Zhivago». The novel itself, is more a «form of thinking about the twenties through the prism of the fifties». It is built by A. M. Pyatigorsk as if «if he (Boris Pasternak) had died in the late twenties», because the thought provoking time for the generation of B. Pasternak was the 1920s. The 1930s is already an area of Voland by M. A. Bulgakov, where all is grotesque, and the only island of meaning is a madhouse. Thus, Yury Zhivago is a witness, in whose life nothing was happening, but failures. This orientation to meaning, sense, to the truth, keeps him from the whirlwind of the revolution and civil war. The secret of Yu. Zhivago's life is that «meanings, ideas passed through him», he has no ideology, because it implies a reflection of meaning, a situation where meanings, ideas do not pass through the personality of the subject. «Meanings and ideas reflected in ideology lose their materiality, but do not acquire personhood». An epoch's world outlook, is the rule of the average. An outlook of a personality is absurd, it is rather a unit of the total, painted in the colors of the

¹ Bibler V. S. Ot naukoucheniya – k logike kulturyi: Dva filosofskih v XX v. (lit. From the science of knowledge – to the logic of culture: Two philosophical introduction in the twentieth century) / V. S. Bibler. – M. : Izd-vo politicheskoy literatury, 1990. – P. 401–402.

Мировоззрение, жизненный мир эпохи, это господство среднего. Мировоззрение личности – это абсурд, это скорее единица от общего, окрашенная в цвета индивидуальности. Мы ставим своей целью развивать мировоззрение, а необходимо воспитывать любовь к истине. Мы заранее загоняем в рамки эпохи и потом удивляемся, что получаются одни идеологии¹.

В контексте социально-философской концепции интерпретации, можно сказать, что цель последней не во вхождении в смысл, а в прохождении между смыслами. Не во вхождении в текст, а построение «круга бытия», где интерпретирующий создает сферу между текстом и контекстом, текстом и гипертекстом, позволяющим ему пройти через ловушки текстов и чужих смыслов, зовущих его воплощать свои идеалы. Дж. Ватиммо, опираясь на социально-исторический опыт бытия интерпретационных практик в глобализирующемся мире, отмечает, что «интерпретация – это не способ свести другого к себе в ходе присвоения, кульминацией которого должна стать однозначная истина, смысл встречи с Другим, скорее в смещении, изменяющем обоих участников, но не помещающем их в единый горизонт»².

Итак, роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» – это роман-энтелехия, роман-реквием (по поколению Серебряного века, по дореволюционной России, по самому себе), роман-интерпретация, роман – экзистенциальное воплощение. Не будет преувеличением назвать его роман – спасенным прошлым о времени досоветской России, времени, когда по реконструкции С. С. Хоружего установился тоталитарный социально-антропологический тип, связанный с личностной редукцией, архаизацией и насильственным преобразованием. О. С. Седакова – поэт, богослов, философ и литературовед отмечает, что Б. Пастернак свидетельствует нам своим романом о времени, когда «любить было легче, чем ненавидеть»³.

«Прочтение» Б. Пастернаком жизни своего поколения как единого текста в контексте социально-исторической эпохи I половины XX века сделало возможным для него пройти школу самопостроения, школу преодоления текстов, идей, культурных форм. «Доктор Живаго» для нас – опыт превосхождения времени, инерции социального тела и истории, тупиков и идиотизма повседневности. В известной мере, Борис Пастернак осуществил своим романом удивительно смелое феноменологическое исследование своего времени, отмеченного революциями, Гражданской войной, НЭПом и т. д. Даром феноменологического отношения наделены главные герои романа – Юрий Андреевич Живаго и Лариса Федоровна Гишар-Антипова.

¹ Пятигорский А. М. Непрерывающийся разговор / А. М. Пятигорский. – СПб. : Азбука-Классика, 2004. – С. 390.

² Ватиммо Дж. О «Вавилонской башне» / Дж. Ватиммо // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 69.

³ Седакова О. А. *Moralia*. Эссе, лекции, заметки, интервью / О. А. Седакова. – М. : Университет Дм. Пожарского, 2010. – С. 548–656.

individual. We typically aim at developing an outlook, though what we need is to nurture the love for the truth. We drive a person into the frame of an epoch and then we are surprised that the result obtained is some ideology¹.

In the context of socio-philosophical concept of interpretation, the purpose of the latter is not in entering into the meaning but passing through meanings, not in entering the text, but the construction of the «circle of life», where the reader (interpreter) creates a domain between the text and context, the text and hypertext, which allows him to pass through the traps of texts and the others' meanings calling to realize their ideals. Basing on socio-historical experience of interpretive practices in the globalized world, G. Vattimo argues that «interpretation is not a way to reduce the other to oneself during the acquisition, the climax of which must be the unique truth, the meaning of a meeting with the Other, but rather a displacement, amending both parties, but not putting them in a single horizon»².

Thus, Boris Pasternak's novel «Doctor Zhivago» is a novel-entelechy, a novel-requiem (for the generation of the Silver Age, for pre-revolutionary Russia, for oneself), it is a novel-interpretation, a novel – existential embodiment. It is no exaggeration to call the novel the saved past about the times of pre-Soviet Russia, presented in phenomenological reconstruction of S. S. Khoruzhiy as the time when a totalitarian socio-anthropological type, associated with the reduction of personal reduction, archaization and forced transformation, was established. O. S. Sedakova – a poet, theologian, philosopher and literary critic says that with his novel B. Pasternak testifies about the time when «it was easier to love than to hate»³.

B. Pasternak's «reading» of his generation's life as a single text in the context of socio-historical epoch of the first half of the twentieth century made it possible for him to learn a kind of self-construction where he had to acquire the skill of overcoming texts, ideas and cultural forms. «Doctor Zhivago» for us is the experience of overcoming time, inertia of the social body and history, blind ends and everyday idiocy. To a certain extent, in his novel Boris Pasternak realized a surprisingly bold phenomenological study of his time marked by revolutions, the civil war, NEP (New Economic Policy), etc. The main characters of the novel – Yury Zhivago and Larisa Fyodorovna Lara Guichard (later Antipova) are endued with the gift of phenomenological attitude.

For example, we can see how Yury Zhivago perceives revolution: «The historic greatness of the moment moved him so deeply that it took him some time to collect himself ... What splendid surgery! You take a knife and with one masterful stroke

¹ Pyatigorskiy A. M. Neprekraschayuschisya razgovor (lit. Incessant talking) / A. M. Pyatigorskiy. – SPb. : Azbuka-Klassika, 2004. – P. 390.

² Vattimo G. O «Vavilonskoy bashne» (lit. On the «Tower of Babel») / G. Vattimo // Voprosy filosofii. – 2006. – № 6. – P. 69.

³ Sedakova O. A. Moralia. Esse, leksii, zametki, intervyyu (lit. Moralia. Essays, lectures, notes, interviews) / O. A. Sedakova. – M. : Universitet Dm. Pozharskogo, 2010. – P. 548–656.

Например, мы видим, как Юрий Живаго воспринимает революцию: «Величие и вековечность минуты потрясли его и не давали опомниться ... Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали ... Главное, что гениально? Если бы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. Он бы ждал, чтобы сначала кончились старые века, прежде чем он приступит к постройке новых, ему нужно было бы круглое число, красная строка, неисписанная страница. А тут, нате пожалуйста. Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу. Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков, в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое»¹.

Живаго говорит о революции как о событии, как о гениальном произведении истории, где вспомним С. Н. Булгакова, есть место для откровения, эсхатологии и апокалипсиса. Революция – это чудо истории, ее откровение, которое разыгрывается в самой сердцевине бытия («в первые подвернувшиеся будни»). Оно неуместно и несвоевременно как «самое великое».

Вопрос вопросов: что делать с откровением, как с ним жить, как им жить? Живаго выбрал жизнь-свидетельство. В широком смысле он выбрал возроденческую жизнь, где человек, не отказываясь от себя, от своего, дает и жизни развернуться в полноте своей. Более того, он дает жизни, ее событиям имя. Благодаря наименованию, обозначению жизнь из бессмысленной стихии получает возможность стать смысловой. Поэт как ветхозаветный Адам выводит жизнь из потаенности и заброшенности. Ю. А. Живаго, будучи поэтом, явно экзистенциальный философ жизни, как впрочем, и сам Б. Пастернак (вспомним «Сестра моя, жизнь», 1917 г.).

Манифестацией личности Б. Пастернака выступает его роман «Доктор Живаго», а манифестацией личности Ю. А. Живаго как литературного героя выступает его стихи произведения, эти маленькие ходы из времени в вечность.

*«... Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И как сплавляются по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты ...»²*

Идея личности и история личности сопряжены в становлении, где они отождествляются, представляя собой нечто третье, выступающее как предел «всякой возможной полноты и цельности воплощения идеи в истории».

¹ Пастернак Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. – М. : АСТ, 2014. – С. 189–190 (543 с.).

² Там же.

you cut out all the old stinking ulcers. Quite simply, without any nonsense, you take the old monster of injustice, which has been accustomed for centuries to being bowed and scraped and curtsied to, and you sentence it to death ... And the real stroke of genius is this. If you charged someone with the task of creating a new world, of starting a new era, he would ask you first to clear the ground. He would wait for the old centuries to finish before undertaking to build the new ones, he'd want to begin a new paragraph, a new page. But here, they don't bother with anything like that. This new thing, this marvel of history, this revelation, is exploded right into the very thick of daily life without the slightest consideration for its course. It doesn't start at the beginning, it starts in the middle, without any schedule, on the first weekday that comes along, while the traffic in the street is at its height. That's real genius. Only real greatness can be so unconcerned with timing and opportunity»¹.

Zhivago speaks of the revolution as an event, as a brilliant work of history, where if we recall S. N. Bulgakov, there is a place for Revelation, eschatology, and apocalypse. Revolution is a miracle of history, its revelation, which is played at the very heart of beingness («the first ongoing weekdays»). It is out of place and out of time as «the greatest».

The issue is what to do with the revelation and how to live with it, how to live it. Zhivago chose the life evidence. In a broad sense, he chose a life of revivalism, where a person does not abandon himself or rejects something belonging to him, but lets the life go its way. Moreover, he gives life and its events names. Thanks to the word and nomination, life turns from meaningless into meaningful. The poet as the Old Testament Adam brings life out of hiddenness and neglect. Yu. A. Zhivago, being a poet, is apparently an existential philosopher of life, as well as B. Pasternak himself (remember the poem «My Sister, Life», 1917).

Manifestation of the personality of Boris Pasternak is his novel «Doctor Zhivago» and manifestation of personality of Yu. Zhivago as a literary character are his poems, passages from time to eternity.

*«... I'll step into the tomb soon overburdened,
And on the third day, I'll ascent. Into my sight,
As though in a procession for my verdict,
The centuries will flow out of the night ...»²*

The idea of the personality and history of personality are associated in their formation where they are identified as the same, representing something which is neither the first nor the second, acting as a limit of «all possible completeness and integrity of the embodiment of idea in history».

¹ Pasternak B. Doctor Zhivago / Boris Pasternak. – M. : AST, 2014. – P. 189–190 (543 p.).

² Op. cit.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в XX в. / В. С. Библер. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – 450 с.
2. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. Т. 1. – М. : Наука, 1993. – 200 с.
3. Ваттимо, Дж. О «Вавилонской башне» / Дж. Ваттимо // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – 123 с.
4. Вильмонт, Н. Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли / Н. Н. Вильмонт. – М. : Советский писатель, 1989. – 224 с.
5. Громова, Н. А. «Дальний Чистопль на Каме ...» Писательская колония: Москва-Чистополь-Елабуга / Н. А. Громова. – М.; Елабуга : Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. – 240 с.
6. Пятигорский, А. М. Непрерывающийся разговор / А. М. Пятигорский. – СПб. : Азбука-Классика, 2004. – С. 390.
7. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго / Б. Л. Пастернак. – М. : АСТ, 2014. – 542 с.
8. Пастернак, Б. Л. Стихотворения / Сост. и предисловие Н. Банникова. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 222 с.
9. Соколова, Н. В. Два года в Чистополе. 1941–1943. Литературные воспоминания / Н. В. Соколова. – М. : Критерион, 2006. – 228 с.
10. Седакова, О. А. Moralia. Эссе, лекции, заметки, интервью / О. А. Седакова. – М. : Университет Дм. Пожарского, 2010. – 680 с.
11. Чистопольские страницы : сб. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1987. – 352 с.
12. Boris Pasternak. Doctor Zhivago / Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. – New York : Pantheon books, 2010. – 154 p.

Документально-художественное издание

Серия «Сокровищница Татарстана»

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ
БОРИСА ПАСТЕРНАКА**

**PROVINCIAL PAGES
OF BORIS PASTERNAK'S BIOGRAPHY**

Ответственный редактор А. В. Паньков

Перевод на английский язык: М. И. Солнышкина

Главный редактор Г. Я. Дарчинова
Редактор Т. В. Андреева, М. И. Солнышкина
Технический редактор О. А. Аймурзаева
Дизайнер обложки Е. Н. Морозова

ISBN 978-5-8399-0578-8

Подписано в печать 30.09.15. Формат 70х100 1/16
Гарнитура Times New Roman, 10. Усл.печ.л. 5,44. Уч.-изд.л. 3,97
Тираж 500 экз. Заказ № 134.

Издательство «Познание»
420111, г. Казань, ул. Московская, 42
Тел. (843)231-92-90
e-mail: zaharova@ieml.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИЭУП:
420108, г. Казань, ул. Зайцева, 17

Для заметок